

тайской половики материка—Гюцлафа, Гюка и Габе; по странамъ между Остъ-Индію и Китаемъ—Стрэчи, Томпсона, Гукера; по Синду—Викери, по Заганскому полуострову—Гюцлафа; списокъ путешествій по Остъ-Индіи и въ Китай былъ бы слишкомъ длиненъ.

Точно также не будемъ перечислять путешествій по Алжиру, а изъ путешествій по Египту и Нубіи упомянемъ только о сочиненіяхъ русскихъ ученыхъ: г. Кювалевскаго и г. Рафаловича. Абиссинію изслѣдовали братья Аббади, Шмпер же; центральную Африку—Ребманъ, Крапфъ, Ливингстонъ, Гальтонъ, Кольвъ, Коммингъ, Ричардсонъ, Овервегъ, Варгъ, Праксъ, Кноблехеръ, шейхъ Мухамедъ эль-Тунзи; португальскія владѣнія въ Африкѣ—Тамсъ, Бокарде; побережья Гвинеи и проч.—Галлеръ, Буэ-Вильоме, Форбъзъ. Геккаръ, Смитъ, Иръ-Пуль.

Авторъ дѣлаетъ подробныя и часто чрезвычайно интересныя извлечения изъ сочиненій этихъ и многихъ другихъ путешественниковъ, трудами которыхъ столь значительно распространены наши географическія и этнографическія свѣдѣнія.

Стихотворенія графини Ростопчиной. Томъ первый. Спб. 1856.

Самое непріятно и самое бесполезное дѣло на свѣтѣ—возставать противъ общепринятыхъ, укоренившихся мнѣній. Непріятно оно потому, что человѣкъ, отваживающійся противорѣчить всѣмъ, пріобрѣтаетъ себѣ множество противниковъ. «Какъ? ты хочешь быть провинительнѣе всѣхъ? Такъ, по твоему, мы всѣ ошибались? Да ты говоришь парадоксы, да ты говоришь явныя нелѣпости!» И, если прежде считали этого человѣка неглупымъ, онъ компрометируетъ репутацію своего ума, даже своего здраваго смысла. Легко бы ему перенести эту непріятность, если бы его отважное противорѣчіе общему убѣжденію принесло хотя малѣйшую пользу тому дѣлу, которое онъ рѣшился защищать, еслибы онъ убѣдилъ хотя немногихъ въ истинѣ того оригинальнаго мнѣнія, которое онъ считаетъ справедливымъ. Но нѣтъ, никого не убѣдитъ онъ: всѣ до одного читателя согласно рѣшатъ, что онъ странно, непростительно ошибается, и если произведетъ его смѣлое возстаніе противъ общепринятыхъ сужденій какое нибудь дѣйствіе, то развѣ только утвердитъ публику еще болѣе прежняго въ старыхъ мнѣніяхъ.

Эти слова достаточно убѣдятъ каждаго читателя, что мы очень хорошо чувствуемъ трудность и опасность борьбы съ закоснѣлыми предразсудками. Но иногда эти предразсудки бывають столь очевидно неосновательны, столь несообразны съ несомнѣнными фактами, что самый осторожный и робкій человѣкъ увлекается мыслью: «эти призраки мнѣній держатся только потому, что ничья рука до нихъ не дотрогивалась; самое легкое прикосновеніе здраваго смысла «низвергнетъ, разсыплетъ въ пыль и прахъ эти живые фантомы!» Бывають, говоримъ мы, случаи, когда нелѣпость прежняго мнѣнія, правота новаго столь очевидны, что борьба противъ самообольщенія публики представляется очень легкою и обѣщаетъ быть успѣшною. Къ небольшому числу такихъ случаевъ, безспорно, принадлежитъ вопросъ о существенномъ характерѣ, внутреннемъ смыслѣ, задушевной идеѣ,—однимъ словомъ о паосѣ стихотвореній нашей

нѣвѣстной писательницы графини Ростопчиной, которая всегда справедливо почиталась однимъ изъ украшеній русскаго Геликона. Обыкновенно думали я донинѣ продолжаютъ думать, что эта замѣчательная поэтесса изливала въ своихъ стихотвореніяхъ чувства и мысли, которыя казались ей высокими, правдивыми, глубокими; что ея паеосъ—павосъ увлеченія идеями и ощущеніями, которыя составляютъ содержаніе ея стихотвореній; всѣ единодушно признавали, что ея поэзія—положительное отраженіе той жизни, которая казалась и кажется для самого поэта идеаломъ жизни.

Это мнѣніе положительно ложно. Надобно только перечитать со вниманіемъ прекрасныя стихотворенія графини Ростопчиной, и очевидна будетъ его ошибочность.

Критикъ, съ сужденіями котораго мы не любимъ расходиться, на авторитетъ котораго мы любимъ ссылаться, потому что лучшего авторитета нѣтъ у насъ, болѣе справедливыхъ сужденій мы не найдемъ ни у кого, — этотъ критикъ замѣтилъ, что существеннѣйшее содержаніе стихотвореній графини Ростопчиной—балъ.

«Отличительныя черты музы графини Ростопчиной—наклонность къ разеужденіямъ и свѣтскость. Исключительное служеніе «богу салововъ» не совсѣмъ выгодно. Наша салоны—слишкомъ сухая и неплодная почва для поэзіи. Правда, они даже и зимою дышатъ аронатомъ, яля, какъ говорить муза графини Ростопчиной, *сыплютъ аромать*; но этотъ аромать искусственный, возросшій на почвѣ оранжерейной, а не на раздолѣ плодотворной земли, улыбающейся ясному небу. *Балъ*, составляющій источникъ вдохновенія нашего автора, конечно, образуетъ собою обаятельный ниръ даже и у насъ,—не только тамъ, гдѣ царятъ образцы, съ котораго онъ довольно точно скопированъ; во балъ у насъ—заморское растеніе, много пострадавшее при перевозкѣ, понятое, вялое, блѣдное. Поэзія—женщина: она не любитъ показываться каждый день въ одномъ уборѣ; напротивъ, ей нравится каждый часъ являться новою, всегда быть разнообразною—это жизнь ея. А всѣ балы наши такъ похожи одинъ на другой, что повѣя не пошлетъ туда я своей ассистентки, не только сама не пойдетъ. Между тѣмъ, поэзія графини Ростопчиной прикована къ балу: даже встрѣча я знакомство съ Пушкинымъ, какъ совершившіяся на балѣ, суть собственно описаніе бала ¹⁾. Талантъ графини Ростопчиной могъ бы найти болѣе обширную и болѣе достойную

Приводимъ здѣсь это повѣстическое воспокинаніе:

На балѣ блестящемъ, въ кипящемъ собранъ,
Гордись кавалеромъ и объ руку съ нимъ ²⁾.
Витшала а въ танцы, я счастье мнѣ
Въ тотъ вечеръ прекрасный весь ниръ олащала.
Онъ съ нѣжнымъ привѣтомъ во мнѣ обращался;
Онъ дружбой безъ лести мена ободрилъ;
Онъ думъ мнѣ тайну развѣдать желалъ...
Онъ выманить скоро довѣрье умѣлъ...
Подъ говоръ музыки, украдкой, дрожа.
Стихи безъ искусства ему я шептала...
Онъ пышностью прежней тогда оживался,
Онъ къ юности знойной своей возвращался,
Со мной молодѣя, онъ снова мечталъ...

(Изд. 1856 г. Стр. 256).

) Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ.

себѣ сферу, и стихи, подобные слѣдующимъ, выражаютъ только мнѣніе, кажется, несправедливое въ отношеніи къ высокому назначенію женщины вообще:

А я, я женщина во всемъ значеніи слова,
Всѣмъ женскимъ склонностямъ покорна я вполне;
Я только женщина... гордиться тѣмъ готова...
Я балъ люблю... отдайте балы ивѣ!

(«Отечественныя Записки» 1841 г., томъ XVIII, Библиографическая Хроника, стр. 6).

Въ словахъ объ отношеніи баловъ къ поэзіи есть своя справедливость: по—какъ ни прискорбно намъ опровергать сужденія критика, который былъ истиннымъ учителемъ всего нынѣшняго молодого поколѣнія—мы должны откровенно сказать, что онъ совершенно ошибался, примѣняя эти общія соображенія къ стихотвореніямъ графини Ростопчиной. Онъ, по нашему непоколебимому убѣжденію, слишкомъ поверхностно взглянулъ на ихъ «салонное содержаніе», замѣтилъ только общую черту—присутствіе балныхъ мыслей въ каждомъ стихотвореніи, и ограничился этимъ. Но этого мало. Надобно было глубже вникнуть въ это «салонное содержаніе», и тогда характеристика вышла бы точнѣе, основательнѣе, тогда и заключенія его о талантѣ графини Ростопчиной были бы совершенно другія. Мы постараемся это сдѣлать и доставить посильный матеріалъ для исторіи нашей литературы, въ которой г-жа Ростопчина, по общему мнѣнію и по заключеніямъ критика, должна занимать довольно или даже очень значительное мѣсто ¹⁾).

Съ этимъ полезнымъ стремленіемъ мы приступаемъ къ анализу стихотвореній графини Ростопчиной. Чтобы изобличить невѣрность мнѣній, приведенныхъ нами, надобно только собрать черты для составленія новой характеристики того женскаго лица, которое, въ большей части стихотвореній нашей поэтессы, является описывающимъ свои ощущенія и мечты. Но прежде всего напомнимъ читателю, что вообще не слѣдуетъ предполагать, будто каждое «я», излагающее въ лирической пьесѣ свои ощущенія, по необходимости есть «я» самого автора, которымъ написана пьеса. Такъ, у г. Фета есть прелестное стихотвореніе:

Еще ребенкомъ я была,
Всѣ любовались мной:
Мнѣ тли и кудри по плечавъ
И фартучекъ цвѣтной...

Есть у него другая прекрасная пьеса:

Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ,
Я при свѣчѣ навела...

¹⁾ Заключенія критика, котораго мы цитировали, выражены въ слѣдующихъ словахъ:

«Съ 1835 года, почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться стихотворенія, отличаемыя таинственною подписью: *Гр-ня Е. Р-на*. Но повѣстическое никогниго вѣдолго оставалось тайною. *Истинный талантъ* какъ-то не уживается съ никогниго. Къ тому же люди—странныя созданія. Иногда они потому именно и не знаютъ вашего имени, что вы поторопились сказать его, и добиваются знать и узнаютъ потому только, что вы его скрываете или дѣлаете видъ, что скрываете. Повторяемъ, главная причина того, что литературное никогниго графини Ростопчиной скоро было разгадано, заключалось въ *поэтической прелести и высокомъ талантѣ*, которымъ запечатлѣны ея *прекрасныя* стихотворенія».

У Кольцова также есть много подобныхъ пьесъ, напримѣръ:

И любила его
Жарче дня и огня...

Или:

Безъ уна, безъ разума
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укорѣтили...

Есть такія пьесы и у Пушкина:

Подруга милая, я знаю, отчего
Ты съ нынѣшней весной отъ вашѣхъ игръ отстала.
Я тайну сердца твоего
Давно, повѣрь мнѣ, угадала...

Конечно, никто не скажетъ, чтобы г. Фетъ, Кольцовъ, Пушкинъ о себѣ говорили здѣсь: «Я навела», «я была», «я любила», «меня замужъ выдали», «я угадала». Есть подобныя «я», несомнѣнно различныя отъ личности самого лирика, въ лирическихъ пьесахъ Гёте и Шиллера, Беранже и Гейне, — однимъ словомъ, почти каждаго великаго поэта.

Мы нарочно выбирали примѣры самыя неоспоримыя, гдѣ уже самая грамматика различіемъ родовъ въ глаголѣ, относящимся къ «я», съ исторически несомнѣннымъ поломъ автора, показываетъ справедливость нашего положенія. Но и тамъ, гдѣ грамматика оставляетъ насъ въ сомнѣніи, по одинаковости пола автора пьесы и пола выводимаго имъ «я», здравый емыслъ и несомнѣнные біографическіе факты часто убѣждаютъ, что «я» пьесы не есть «я» автора, и поступки, положенія или ощущенія, усвояемыя первому, нисколько не могутъ быть приписываемы послѣднему, то есть автору. Такъ, напримѣръ, въ одномъ стихотвореніи у Лермонтова читаемъ:

Молча сижу подъ окошкомъ темницы...
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый да панцырь желѣзный.

Но положительно извѣстно, что въ 1841 году, когда написана эта пьеса, Лермонтовъ не сидѣлъ въ темницѣ или тюрьмѣ, а сражался за отечество на Кавказѣ, и никогда не было у него ни меча, ни желѣзнаго панцыря, а носилъ онъ всегда форменную саблю или шашку и мундиръ, какъ слѣдуетъ по положенію. Въ извѣстномъ романѣ Пушкина «Черная Шаль» читаемъ, что «я убилъ какого-то армянина и какую-то дѣвушку-гречанку» и потомъ

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Но положительно извѣстно, что Пушкинъ во всю свою жизнь никого не убивалъ, что рабовъ у него не было, а были дворовые люди, и что на Дунаѣ Пушкинъ никогда не жилъ, слѣдовательно не могъ съ лакеемъ своимъ бросать тѣла въ дунайскія волны. Мы готовы привести миллионъ подобныхъ примѣровъ изъ всѣхъ безъ исключенія лирическихъ поэтовъ.

Изъ этого неоспоримо слѣдуетъ: 1) что «я» лирическаго стихотворенія не всегда есть «я» автора, написавшаго это стихотвореніе; 2) что въ приписываніи самому поэту поступковъ, положеній и ощущеній являющагося въ лирическомъ стихотвореніи «я» надобно поступать съ крайнею осмотрительностью и не иначе, какъ сообразивъ ощущенія и поступки лирическаго «я» съ положительными историко-литературными фактами.

Да не упрекнеть насъ читатель въ педантизмъ за длинное доказательство столь очевидныхъ положеній: мы хотѣли поставить ихъ виѣ всякаго спора, виѣ всякаго сомнѣнія, придать имъ достовѣрность математической истины, потому что на этихъ положеніяхъ основано наше мнѣше о пьесѣ графини Ростопчиной.

Соберемъ же теперь черты для характеристики того лирическаго «я», которое является въ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной; докажемъ, что подобное «я» не можетъ быть идеаломъ... не говоримъ: графини Ростопчиной,—но вообще какого бы то ни было поэта, укажемъ источникъ заблужденія, господствующаго въ критикѣ и публикѣ; наконецъ обнаружимъ истинныя—прекрасныя—отношенія графини Ростопчиной къ этому «я»; и тогда читатели согласятся, что поэтическое значеніе произведеній графини Ростопчиной доселѣ не было еще оцѣнено по достоинству; что они должны считаться... не говоримъ: прекраснымъ, въ этомъ никто не сомнѣвался до сихъ поръ,—но въ высшей степени замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіи нашей литературы,—явленіемъ не менѣ замѣчательнымъ, нежели стихотворенія Лермонтова.

«Я», говорящее о себѣ въ пьесахъ нашей поэтессы, до страсти любить балы. Эта черта, какъ мы видѣли, замѣчена критикою какъ черта непривлекательная, но замѣчена безъ глубокаго анализа, только вообще. Если молодая дѣвушка, только что начавшая выѣзжать въ свѣтъ, увлекается два-три года балами, это еще ничего не значить: увлеченіе молодости, прелесть новизны оправдываютъ ее. Нѣтъ бѣды, если она двѣ-три зимы потанцуетъ съ удовольствіемъ; нѣтъ особеннаго преступленія, если она въ первые выѣзды заслушивается комплиментовъ: какамъ свѣтская дѣвушка не мечтала о первомъ балѣ. не мечтала послѣ перваго бала? Не бойтесь за нее: вѣдь это все очень скоро проходитъ: какъ только балы перестанутъ быть для нея новизною, она будетъ очень часто скучать на балѣ, будетъ находить большую часть кавалеровъ скучными, и вѣрить никакому комплименту рѣшительно не будетъ. Изъ десяти свѣтскихъ дѣвушекъ такъ бываетъ съ девятью. Вѣдь, если смотрѣть на вещи безпристрастно, надобно сказать, что далеко не всѣ свѣтскія дѣвушки и молодыя дамы кокетки въ строгомъ смыслѣ слова: вѣдь и женщины такіе же люди, какъ мужчины, вѣдь и свѣтскія женщины тоже люди. Согласитесь же, если вы не мизантропъ, что между людьми рѣдки рѣшительно дурные характеры и совершенно пустыя головы; а кокеткою, говоря вообще, можетъ быть только женщина съ сухимъ, дурнымъ сердцемъ и съ пустою головою. И ужъ если могла стать женщина кокеткою, останется она кокеткою до конца жизни: такова ея натура. Теперь судите, къ обыкновеннымъ ли свѣтскимъ женщинамъ принадлежитъ лицо, которому графиня Ростопчина даетъ первое мѣсто, уступаетъ первое лицо глагола и мѣстоимѣніе «я» въ своихъ стихотвореніяхъ. Но вѣдь намъ приходится говорить объ этомъ «я», пока еще загадочно,

въ третьемъ лицѣ, и пока будемъ называть это лицо неопредѣленнымъ мѣстоимѣніемъ «она». «Она» все счастье свое находитъ только на балѣ не въ продолженіе какихъ нибудь двухъ или трехъ, а въ продолженіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ; съ самаго вачала стихотвореній, расположенныхъ по хронологическому порядку, до самаго конца перваго тома, съ 1829 до 1841, — тоже будетъ и втеченіе всѣхъ остальныхъ лѣтъ до настоящей минуты: въ разсѣянныхъ по журналамъ стихотвореніяхъ всѣхъ слѣдующихъ лѣтъ, гдѣ только является «она», «она» проникнута мечтами о балѣ. Вотъ, на примѣръ, «она» въ деревнѣ, какъ видно, замужемъ; у «нея» уже двое дѣтей, — бьетъ двѣнадцатый часъ; «она» восклицаетъ:

Бывало, только ты пробьешь,
Я въ полномъ упоеньѣ,
И ты мнѣ радостно несешь
Всѣ свѣта обольщенья.
Теперь находишь ты нenia
За книгой, за работой...
Двухъ люлекъ шорохъ слышу я
Съ улыбкой и заботой.

И мнѣ представилось: теперь танцуютъ тамъ,
На дальней родинѣ, навѣкъ избранной мною...
Рисуются въ толпѣ наряды нашихъ дамъ,
Ихъ твани легши съ отдѣлкой щегольскойю;
Ярчѣй наслѣдственныхъ алмазовъ тамъ блестятъ
Глаза безсчетныя, весельемъ разгорѣвшись...
Опередивъ весну, до время разгорѣвшись,
Тамъ свѣжле цвѣты свой сыплютъ ароматъ...
Красавицы летятъ, красавицы порхаютъ,
Ихъ вальсы Ланнера и Штрауса увлсаютъ
Неодолимою игривостью своей...⁴
И все шумнѣе балъ, и танцы все живѣй!

И мнѣ все чудится! Но, ахъ! въ одномъ мечтаньѣ!
Меня *тамъ* нѣтъ! меня *тамъ* нѣтъ!
И, можетъ быть, мое существованье
Давно забылъ безпамятный сей свѣтъ!

И что же привлекательнаго для «нея» на балѣ? Не поэтическая сторона его, если онъ имѣетъ въ себѣ хотя каплю поэзіи, не пылкая страсть, не таинственная интрига, — нѣтъ, не бойтесь за «нее», — просто наряды, комплименты и вальсъ; для натуръ пламенныхъ, которымъ прощается многое, даже любовь къ баламъ въ зрѣлыя лѣта, балъ — мѣсто страстныхъ, таинственныхъ разговоровъ съ *однимъ*, балъ — рай или адъ; для «нея» балъ — просто развлеченье. очень пріятное потому, что тамъ много кавалеровъ, говорящихъ очень лестные комплименты:

Когда ровесницамъ мнѣ въ удѣлъ даны
Всѣ общества и свѣта развлеченья,
И царствуютъ онѣ, всегда окружены
Толпой друзей, къ намъ полныхъ снисхожденья,
Когда ихъ женскій слухъ ласкаетъ шумъ похвалъ,
Ихъ занять умъ, ихъ сердце бьется быстро, —
Меня враждебный духъ къ деревьямъ приковалъ,
И жизнь моя лишь горькая ошибка!

Такъ вотъ почему она восклицаетъ: «Я балъ люблю! отдайте балы мнѣ!» — «Она» съ самаго начала до самаго конца любитъ собою, своею красотою, — этимъ чувствомъ проникнуто каждое изліяніе «ея» сердца; «она» описываетъ свою наружность и наряды; «она» даже говорить при слухахъ:

Что мнѣ до прелести румянца молодого?

красота не въ румянцѣ; очаровательна та женщина, которая пьетъ

Въ движеньяхъ, въ поступи небрежную сноровку (стр. 192).

Наконецъ «она» просто признается, что любила балы не по страстному увлеченію, а просто по тщеславію, что «она жила тщеславіемъ»:

Потомъ была пора, и свѣта блескъ лукавый
Своею мишурой ной взоръ околдоваль;
Балъ, искуситель пашъ, чарующей отравой
Прельстилъ меня, завлекъ, весь умъ мой обвлкъ...
Піры и праздники, алмазы и наряды,
Годовокружный вальсъ вполнѣ владѣли мной.
Я упивалася роскошной суетой,
Я вдохновенья лучъ тушила безъ пощады
Для свѣта бальныхъ свѣчь... я женщиной была!
Тщеславіемъ женскимъ я жила! (Стр. 158.)

А теперь — говорить «она» — настала пора другая, мечты прошли, «существенность» стала интереснѣе, нежели «игра воображенія»: прежде, говорить «она»:

Я съ дѣтскимъ жаромъ увлекалась
Воображенія игрой...

Но теперь ужь но то:

Я въ горній міръ не увлекаюсь,
Я пѣсней сердца не пою,
Но къ хладу жизни приучаюсь
И ужь существенность люблю! (Стр. 82—83.)

Но о «существенности» послѣ: намъ нужно еще послушать, что «она» говорить на балѣ. Надобно кстати замѣтить, что «она» постоянно жалуется на то, что свѣтскіе мужичины не умѣютъ оцѣнить сердца, жаждущаго любви: они боятся «молвы», и «она» убѣждаетъ ихъ не бояться пустыхъ лживыхъ толковъ свѣта. Зато, какъ сострадательно она готова утѣшать мужчину, который груститъ о подобной же неудачѣ! Вотъ одинъ примѣръ:

Зачѣмъ, страдалецъ молодой,
Зачѣмъ со мною лицемѣрить?
Нѣтъ! хитростью своей пустой
Тебѣ меня не разувѣрить!
Ты любишь! Это говорятъ
Твоя задумчивость нѣмая,
Безжизненный, унылый взглядъ,
Болѣзнь и блѣдность гробовая!

Такъ, твоя любовь несчастна, и ты никому не хочешь говорить этого, ты не хочешь нарушать тайну своей любви!

Ты правъ! молчи! но знай, что мною
Твоя оплакана судьба! (Стр. 29.)

Вотъ другой примѣръ:

Скажите, отчего вашъ взоръ
Всегда горитъ тоской сердечной?
Зачѣмъ напнтавъ грустью вѣчной
Вашъ непритворный разговоръ?
Зачѣмъ таинственныя думы
Легли на томное чело,
И скорбь отбѣнокъ свой угрюмый
На васъ вперила, какъ клеймо?

.....
Въ васъ что-то тайное, родное
Краснорѣчиво говорить,
И сострадаше святое
Меня невольнo къ вамъ стремить!
О, еслибъ этимъ сострадавшенъ
Могла купить я вамъ покой!
Но я богата лишь желаяенъ,
А не ходатай предъ судьбой.
Примите жъ все, что въ приношенъе
Вамъ дать въ порывѣ умиленъя
Я, безталанная, могу:
Души свободной уваженъе
И состраданъя слезу! (Стр. 103—104.)

Будь твердъ, не унывай, возьми примѣръ съ меня:
Смотри: тверда, сильна, невозмутима я!
Предъ бѣдной женщиной, создашемъ ничтожныиъ,
Легко волнуемымъ, и страстнымъ и тревожнимъ,
Себя мужчиною обязанъ ты явить,
Великодушнѣй ты, смѣлѣе долженъ быть!
Не слушай толкъ людской и вражьи пересуды:
Пусть люди противъ насъ—самъ Богъ за насъ покуда! (Стр. 366.)

Но что дѣлать, если мужчина разрываетъ союзъ сердець? Обыкновенной свѣтской женщиной остается одно—страдать и тосковать; <она> дѣлаетъ не такъ: она, если ей вздумается взгрустнуть о такомъ обстоятельстве, тотчасъ же умѣетъ переломить себя, превозмочь горе; <она> говоритъ себѣ:

Опомнись! призови ва помощь силу воли,
Оковы тяжкія героемъ съ плечъ стряхни!
Сердечныгъ тайныхъ язвъ скрой ноющія боли
И свѣту прежнюю себя припомани!

Гдѣ ленты и цвѣты, гдѣ легкіе наряды?
Блестящей бабочкой однѣся, уберись,
И поѣжай на балъ, спѣши на маскарады,
Разсмѣйся, торжествуй, понавъся, веселись!

Придутъ къ твоимъ ногамъ поклонники другіе, —
Межь вѣхъ вабудешь ты цѣпей своихъ позоръ,
И онъ, овъ будетъ знать! Затѣи молодыя
Встревожать и его внимательный надзоръ!

Онъ въ очередь свою узнаетъ страхъ я муку,
Онъ будетъ ревновать, онъ будетъ тосковать,
Ты выместишь на немъ страданья, горе, скуку,
Потомъ простишь его и призовешь опять. (Стр. 393.)

А если и это не удастся—что тогда? Тогда «она» говорить ему слѣдующее:

Свободевъ ты! и я свободна тоже!
Безъ ссоры мы съ тобою разошлись.
Найдется ля другой, душой моложе,
И сердцемъ повѣжнѣе,—не сердись!
Ты такъ хотѣлъ! (Стр. 400 и послѣдняя.)

А когда найдется другой, душой моложе, какъ сдѣлать его соучастникомъ своимъ въ отмщеніи невѣрному? «Она» будетъ говорить съ нимъ о поэзіи, о своемъ одиночествѣ, о томъ, что міръ не понимаетъ высокихъ стремленій и чувствъ. Но какъ вы думаете, что такое для «нея» поэзіи, «чистымъ думы» и т. д.?—Отдыхъ послѣ утомительнаго бала и средство приподняться послѣ различныхъ житейскихъ невзгодъ:

Когда въ шумѣ свѣта, въ его тревоженнѣ,
Гонясь за весельенъ, прося наслажденій,
Умается сердце, душа упадетъ,—
Тогда въ думѣ чистой пріюта ищу я,
Тогда я мечтаю, и, душу врачуя,
Поэзія крылья и мощь ей даетъ. (Стр. 164.)

Вообще, по «ея» мнѣнію, поэзія и мечты — только промежутокъ межъ выгъздовъ и баловъ:

Для женщины....
Есть часъ спокойствія, мечтанья, думъ святыхъ,—
То промежутокъ ей межъ выгъздовъ, веселій.

Но бойтесь же, «ова» не увлечется поэзіею или другими высокими стремленіями: она только будетъ толковать о нихъ съ кавалерами, которые «молоды душой и одарены «вѣжнымъ сердцемъ». Иной изъ этихъ неопытныхъ юношей разочувствуется и изъяснитъ ей въ приличныхъ выраженіяхъ свое сочувствіе, свою любовь. «Она» будетъ отвѣчать ему такъ:

Но я не такова! Но съ няни вмѣстѣ въ рядъ вы
Не ставьте и меня! Я не шучу собой.
Я сердцемъ дорожу; восторженной душой
Я слишкомъ высоко цѣню любовь прямую,
Любовь безмолвную, святую,
Какой вамъ не найти здѣсь въ обществѣ своемъ!
Иной я не хочу! Другъ друга не поймемъ
Мы съ вами никогда! Такъ лучше намъ разстаться,
Лишь рѣшьо, издали, безъ лишнихъ словъ встрѣчаться!

Хоть я и говорю: «милко и микогда!»—
Я такъ неопытна, шилка и молода,
Что, право, за себя едва ли поручусь я!
Мнѣ страшно слышать васъ; снотрѣть на васъ боюсь я! (Стр. 199.)

Теперь намъ остается только выписать, безъ всякихъ замѣчаній, два стихотворенія, очень замѣчательныя.

НАДѢВАЯ АЛБАНСКІЙ КОСТЮМЪ.

Нарядъ чужой, нарядъ восточный,
Хоть ты бы счастье мнѣ привнесъ,
Меня отъ стужи полуночной
Подъ солнце юга перенесъ!

Подъ красной фескою албанки,
Когда бь могла забыть я вдругъ
Балъ, свѣтскій шумъ, шпѣнь горожанки,
Молву и тѣсныи жизни кругъ!

Когда бь хоть ни день птичкой вольной,
Свободной дочерью гѣбовъ,
Могла бы я дышать раздольно
У юнійскихъ береговъ!

Разбивши цѣпь приличій скучныхъ,
Поправъ у ногъ уставъ людей,
Итти часовъ благополучныхъ
Искать у гордыхъ дикарей!

Какъ знать? Далеко за горами
Нашла бь я въ жизни простой
Друзей съ горячими сердцами,
Привѣтъ радушный и родной!

Нашла бы ечастія прыпаго
Удѣлъ, незнаемый въ дворцахъ;
И Паливара молодаго
Со страстью пламенной въ очагъ! (Стр. 137—138).

ЦЫГАНСКІЙ ТАБОРЪ.

Когда веселиемъ, восторгомъ вдохновенный,
Вдругъ удамю гѣснь весь таборъ запоюгъ,
И громвій плескъ похваля, похвяду пробужденный,
Безпечные умы цыгавовъ увлечетъ,
На смуглыхъ лицахъ ихъ вдругъ радость заиграетъ,
Въ глазахъ полуденныхъ веселье загоритъ,
И все въ нихъ пламенно и ясно выражаетъ,
Что чувство сильное ихъ души шевелитъ:
Нельзя, нельзя тогда внимать безъ восхищенья
Нагѣву чудному взволнованныхъ страстей!
Нельзя не чувствовать музыки упоенья,
Не откланяться ей всей силою своей!
Поюхъ.... и нигъ душа внушаетъ эти звуки.

То страшно бѣшены, то жалобны они;
Въ нихъ все: и рѣзвый сѣхъ, и голось тонной муки,
И ревность грозная, и ворожба любви,
И браня смѣлый вопль, и буйное раздолье

Но вотъ гремящій хоръ внезапно умолкаетъ,
И Тавя тонвая одна теперь слышна:
Ея ибсья грустная до сердца проникаетъ,
И страстную тоску въ немъ певалить она.

О, какъ она мила! Какъ чуднымъ выраженьемъ
Волнуеть, трогають и нравятся она!
Душа ввимаеть ей съ тревожнымъ наслажденьемъ,
Какъ бы предчувствіемъ мучительнымъ полна!
Но если жь пѣснь ея, съ восторгомъ южной страсти,
Поеть вамъ о любви, о незнавомъ счастья,
О, сердцу женскому напѣвы тѣ бѣда!
Не избѣжить оно заразы ихъ и власти,
Не смоешь слезами ихъ жгучаго слѣда! (Стр. 65—66.)

Мы никакъ не вѣрили, чтобы апотеозъ жора иосковскихъ цыганъ и цыганокъ принадлежалъ <ей>; но сомнѣваться невозможно: стихотвореніе написано отъ имени женщины. <Она> не только сама увлекается пѣснями цыганъ, но ^и думаетъ, что каждая женщина увлекается ими. Удивительная женщина!

Мы не думаемъ, что личность, какую изображаетъ намъ себя <она>, могла быть привлекательною. Тѣмъ менѣе мы допускаемъ, чтобы въ ней было что нибудь поэтическое. Разсчетъ и поэзія, холодное стремленіе къ цѣлямъ сущности и поэзія — вещи несомнѣстимыя. Мы рѣшительно отвергаемъ, чтобы какой бы то ни было поэтъ ногъ сочувствовать подобной женщинѣ. Кто же можетъ сочувствовать ей, въ томъ нѣтъ ни капли поэзія. Но графиня Ростопчина сама указываетъ намъ истинную точку зрѣнія на духъ своихъ стихотвореній, въ превосходномъ <Предисловіи>, которымъ украшено новое изданіе ихъ:

Я не горжуся тѣмъ, что свѣтлымъ вдохновеяемъ
Съ рожденья Богъ меня благословилъ;
Что душу выражать онъ далъ мнѣ пѣснопѣнемъ
И мѣръ фантазій мечтамъ моимъ открылъ.

Я не горжусь, что съ лестью и хвалою
Мнѣ свѣтъ внималъ, рукоплескалъ порой,
Что жены русскія съ улыбкой и слезою
Твердятъ, сочувствуя, стихъ душевный мой!

Я не горжусь, что зависть и жеманство
Нешадной клеветой преслѣдуютъ меня,
Что бабы суетность, тщеславіи мелкиихъ чванство
Презрѣньемъ явренимъ своимъ задѣла я.

Горжусь я тѣмъ, что въ чистыхъ сихъ страницахъ
Нѣтъ слова грѣшнаго, виновной думы нѣтъ;
Что въ пѣсняхъ ля своихъ, въ разказахъ, въ *небылицахъ*
Я тихой скромности но презрѣла завѣтъ!

Горжусь я тѣмъ, что въ этой книгѣ новой
Намека вреднаго никто не подчеркнетъ,
Что даже злѣйшій врагъ, всегда винить готовый,
Двусмысленной въ ней точки не найдетъ!

Роржусь я тѣмъ, что *дочери невинной*
Ее безъ страха дастъ заботливая мать,
Что *дѣвущкѣ* съ душою голубиной
Надъ ней позволится я плакать и мечтать.

10 сентября 1850 года.

Теперь, надѣмся, каждый читатель отгадалъ нашу задушевную мысль, въ доказательство которой написанъ весь этотъ разборъ, и согласился съ нею. Такъ, вы правы, читатель: графиня Ростопчина—писательница байроновскаго, лермонтовскаго, гоголевскаго направленія: она выставляетъ на позоръ тѣ уклоненія отъ идеала, которыя глубоко возмущаютъ ея благородную, поэтическую, чистую мысль; она клеймитъ горькою, холодною сатирою безъ усмѣшки, безъ улыбки,—клеяитъ сатирою, для поверхностнаго читателя чуждою всякой сатиры, пустоту головы и сухость сердца.

Предметъ ея безпощадной ироніи—тѣ дамы, которыя, къ сожалѣнію, существуютъ въ такъ называемомъ свѣтскомъ обществѣ, хотя, къ счастью, составляютъ въ немъ малочисленное меньшинство, являются только какъ рѣдкія исключенія,—къ счастью, говоримъ мы, потому что если бы ихъ было много, не могло бы существовать общество. Этихъ кокетокъ, которыя не похожи на кокетокъ другихъ странъ, которыя хвалятся соблюденіемъ жеманныхъ приличій, графиня Ростопчина превосходно заставила излагать свои понятія и ощущенія, свои поступки и стремленія, олицетворивъ ихъ, по неизмѣннымъ законамъ поэтическаго творчества, въ этой вымышленной женщинѣ, говорящей намъ о своемъ «я». И какъ справедливы становятся слова графини Ростопчиной о своихъ стихотвореніяхъ, какъ скоро мы поймемъ это! Да, дѣйствительно, она горькой, не смѣющейся ироніею глубоко, смертельно оскорбила «*жеманство, суету, тщеславій межкихъ чванство*» въ этихъ женщинахъ, выставивъ ихъ свѣту безъ всякихъ вуалей, въ истинномъ ихъ видѣ; да, она глубоко поразила ихъ своимъ *презрѣніемъ!* И если такъ, а иначе быть не можетъ, то, дѣйствительно, *чисты* ея страницы, потому что проникнуты спасительною мыслью, благороднымъ презрѣніемъ къ фразѣ и ничтожеству! Нѣтъ въ нихъ слова *грѣшного*, нѣтъ *виновной думы*,—о, нѣтъ, и не нарушила она, а защитила она *скромность*, показавъ ей въ этихъ *небылицахъ*, то есть созданныхъ творческимъ воображеніемъ поэта поступкахъ вымышленнаго лица, до чего доводитъ сухость сердца и пустота! Нѣтъ въ этихъ страницахъ *намека*, который бы могъ ввести въ сомнѣніе, сдѣлаться *вреднымъ* своею *двусмысленностью*: все выражено съ такою ясностью, что нѣтъ мѣста сомнѣнію, хороши ли, или презрѣнны эти вымышленныя ощущенія, стремленія, поступки воображаемаго лица; и если дѣвущка, съ *невинною*, неопытною, *голубиною* душою, слишкомъ живо увлечется вихремъ наслажденій и развлеченій, столь невинныхъ, повидимому, въ началѣ, но приводящихъ къ столь жалкой существенности, какъ посѣщеніе цыганскихъ оргій,—если, говоримъ, неопытная дѣвущка увлечется этими опасными развлеченіями, *заботливая мать безъ*

страха дастъ ой книгу графини Ростопчиной,—*безъ страха*, потоку что сильно, но спасительно противоаде и несомнѣнно его дѣйствій: ужаснется, содрогнется *голубиная* душа дѣвушки, и *заплачетъ* она, съ голубиновъ любовью варыдаеть о погибшихъ своихъ сестрахъ, съ ужасомъ о той страшной опасности, которой сана подвергалась,— и очистится эта голубиная душа пламеннымъ очищеніемъ ужаса отъ всѣхъ зародышей порока, каніе успѣли зарониться въ нее среди соблазновъ неизвѣданной ею, обольстительной, повидимому, жизни, и навѣки будетъ она чиста отъ *суеты*, *тщеславія*, ведущихъ къ соблазну, и недоступна навѣки будетъ она льстивымъ лекушеніямъ соблазна!

Высокъ подвигъ поэта, рѣшающагося избрать паеосомъ своихъ стихотвореній изобличеніе ничтожества и порока, на благое предостереженіе людямъ; высокъ его талантъ, если онъ достойнымъ образомъ совершйтъ свой благородный, но тяжелый подвигъ!

Этимъ, безъ сомнѣнія, надобно объяснять то уваженіе, которымъ почтили талантъ и произведенія графини Ростопчиной три величайше поэта трехъ поколѣній: Жуковский, Пушкинъ и Лермонтовъ. Мы уже видѣли, съ какою благосклонностью Пушкинъ слушалъ ея стихи. Жуковский послалъ ей книгу, которую Пушкинъ приготовилъ для записыванія своихъ стихотвореній, и которая найдена была еще бѣлою, дѣвственною послѣ его смерти. Видно, патриархъ нашихъ поэтовъ думалъ, что графиня Ростопчина достойна быть преемницею Пушкина въ нашей поэзіи. Любопытное письмо Жуковского объ этомъ напечатано на 231—232 страницахъ новаго изданія стихотвореній нашей поэтессы. Наконецъ, кому изъ насъ не памятно дивное стихотвореніе Лермонтова: «Графиня Ростопчиной»:

Я вѣрю: подъ одной звѣздой
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны....

Во всемъ мы можемъ обманываться, но не обманетъ насъ одно: имя графини Ростопчиной будетъ увѣковѣчено этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ.

Какъ же объяснить, что журнальная критика и масса публики до сихъ поръ не понимали истиннаго смысла стихотвореній графини Ростопчиной?—Очень просто, и вовсе не въ выгоду критики и публики, мы должны прибавить, несмотря на все уваженіе наше къ этимъ органамъ рѣдко погрѣшающаго здраваго смысла и общественнаго мнѣнія.

Сатиры графини Ростопчиной написаны для предостереженія свѣтскихъ женщязъ и по необходимости написаны салоннымъ языкомъ: вѣдь другаго языка онѣ не захотѣли бы слушать, даже не поняли бы; вѣдь съ каждымъ классомъ общества надобно говорить на его собственномъ языкѣ. А извѣстно, какъ тонка, почти неосызаема иронія салоновъ. Подумайте сами, котла ли понять журнальная критика, привыкшая къ грубому, топорному, снѣемъ выразиться, тону нашей мѣщанской литературы, нашихъ Гоголей и Кольцовыхъ и имъ подобныхъ людей,—вѣдь и самъ Пушкинъ, самъ Лермонтовъ принуждены были говорить очень неделикатно, чтобы сдѣлать свою иронію понятной для нашей публики,—

могла ли эта критика, сама говорившая столь рѣзко и привыкшая рубить съ плеча,—могла ли она понять, уловить тонкую, уловимую только для свѣтскихъ людей иронию графини Ростопчиной? Да и кто были критики? Мы очень уважаемъ ихъ умъ и нравственные качества, но должны сознаться, что они воспитались не въ салонахъ: одинъ былъ сынъ купца, другой—семинаристъ или сынъ уѣзднаго лекаря, третій—мелкопомѣстный, чуть ли не однодушный уѣздный дворянинъ. Чего хотите вы требовать отъ этихъ людей, когда дѣло касается свѣтскаго языка? Теперь, конечно, и вамъ, и мнѣ, и каждому легко понять смыслъ стихотвореній графини Ростопчиной, когда она сама прекрасно объяснила его въ предисловіи къ новому изданію, когда мы имѣемъ свидѣтельства Жуковского, Пушкина и Лермонтова.

А прежде? признайтесь и вы, читатель, вѣдь вы не понимали его? Да и гдѣ же вамъ понять! Мы знаемъ, кто вы такой, какого тона вы человекъ! Вѣдь вы любите Диккенса и Теккерея, этихъ грубыхъ, хотя и даровитыхъ людей, которые съ такою мужицкою прямою называютъ каждую вещь прямо по имени, не имѣя понятія о прилипіяхъ въ образѣ выраженія.

Но не будемъ слишкомъ много обвинять себя за прежнее свое заблужденіе: мы всѣ искупали его тѣмъ, что признавали,—чисто на вѣру, безъ ясныхъ для насъ проявленій этого таланта,—высокій талантъ графини Ростопчиной. Мы заглядимъ прежнее наше заблужденіе тѣмъ, что будемъ теперь очень ясно понимать все значеніе этого таланта.

Кто хочетъ составить себѣ точное понятіе о степени таланта графини Ростопчиной, долженъ, конечно, обратить вниманіе не столько на содержаніе, сколько на художественную форму ея произведеній, анализировать, въ какой мѣрѣ форма соответствуетъ идеѣ, и совершенно ли полно и ясно выражается идея въ формѣ.

Понимая эту идею, какъ она разъяснена самою поэтессою въ предисловіи, и какъ эта идея является въ нашемъ анализѣ, непогрѣшительная точность котораго едва ли оставляетъ мѣсто сомнѣнію, каждый долженъ будетъ сказать, что форма вполне соответствуетъ идеѣ, и потому безукоризненно художественна, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Вымышленная личность, излагающая намъ свои ощущенія въ стихотвореніяхъ, холодна и искусственна въ своемъ выраженіи, какъ въ своей жизни. Она старается показать, что любить и понимаетъ поэзію и природу,—но на самомъ дѣлѣ не можетъ любить ихъ; однако же, какъ личность, хотя искусственно и фальшиво, по довольно развитая и образованная, она умѣетъ иногда употребить красивое или громкое выраженіе. Само собою разумѣется, что, несмотря ни на какую искусственность, природа всегда беретъ верхъ надъ расчетомъ и преднамѣренностью; потому стихи, имѣющіе поэтическую внѣшность, перемѣшаны съ гораздо большимъ количествомъ стиховъ сухихъ, нисколько не поэтическихъ. Прежде находили это недостаткомъ; теперь мы, съ своей точки зрѣнія, должны признать достоинствомъ, какъ соответственнѣйшее выраженіе природы излагаемыхъ ощущеній и мыслей. Да и тѣ стихи, которые на первый взглядъ кажутся поэтическими по блестящей фразеологій, для внимательнаго читателя оказываются фальшиво-украшенными, а не прекрасными. Наконецъ, хотя вымышленная личность очень много говоритъ о пылкости своей натуры, о зноѣ страстей, о ви-

пѣшіи чувства, о пламенной любви, во такъ какъ она, какова бы ни была ея натура, пресыщена развлеченіями и наслажденіями, то вмѣсто пылкости вездѣ видна вялость, неразлучная спутница пресыщенія; зноя страстей мы въ ней не видимъ, а только видимъ женщину, утомленную удовольствіями, но все еще мечтающую объ удовольствіяхъ,—чувства и сердце ея уже утомлены, работаетъ одно экзальтированное воображеніе. Потому-то-общій колоритъ стихотвореній чрезвычайно удовлетворяетъ художественнымъ условіямъ соответствія формы идеѣ: онъ еухъ, эгоистиченъ, экзальтированъ и холоденъ.

Даже самый языкъ соответствуетъ требованію идеи: онъ не всегда правленъ, изобилуетъ ошибками въ употребленіи и сочетаніи словъ и въ удареніяхъ. Дѣйствительно, по свидѣтельству Пушкина, въ его время въ салонахъ не умѣли правильно говорить и не могли правильно писать по русски. Нынѣ, быть можетъ, не то; но вѣдь лицо, съ которымъ знакомить насъ графиня Ростопчина, принадлежитъ еще, по своему воспитанію, тридцатымъ годамъ, и истинный художникъ не могъ вложить въ уста этой женщины иного языка, какъ тотъ, о которомъ много разъ упоминаетъ Пушкинъ, говоря о дамахъ и дѣвицахъ своего времени.

По художественному достоинству, состоящему въ этомъ полномъ соответствіи формы съ идеею, въ графинѣ Ростопчиной долженъ быть признанъ талантъ необыкновенный.

Само собою разумѣется, что такое заключеніе основано на выводахъ нашихъ объ истинной смыслѣ ея произведеній: кто не принимаетъ этихъ выводовъ о содержаніи, тому и художественныя качества формы должны представляться въ другомъ свѣтѣ.

Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ. Москва. 1856. № 1.

Мы съ удовольствіемъ прочитали первый номеръ «Вѣстника Естественныхъ Наукъ» и еще болѣе убѣдились, что это изданіе, уже два года выходящее въ Москвѣ,—положительно полезно и прекрасно. Рекомендуемъ его всѣмъ любителямъ, которые хотятъ вынести что нибудь изъ чтенія, обогатить себя свѣдѣніями. Да и какъ оно дешево стоитъ—всего шесть рублей!

Первый номеръ на 1856 г. заключаетъ въ себѣ, кромѣ другихъ статей, въ высшей степени поэтическую и интересную статью знаменитаго Александра Гумбольдта: «Жизненная сила, или родоспій геній». Какая простота, благородство и возвышенность стиля и, притомъ, какъ все ясно, тепло, прямо льется въ душу! Глубокое и симпатическое сердце набросала эти коротенькія строки... Мы также любовались приложеннымъ къ 1-му № портретомъ Гумбольдта, этого восьмидесяти-шестилѣтняго служителя науки, болѣе полувѣка служащаго корифеемъ и представителемъ всѣхъ изумительныхъ движеній естествовѣдѣнія. Счастливое лицо, рѣдкое лицо, которое заставляетъ передъ собой склониться всякаго кысящаго человѣка! Всмотритесь въ эту улыбку, въ этотъ возвышенный лобъ, который, кажется, такъ и говоритъ: «здѣсь жизненная сила входитъ во всѣ свои права». Гумбольдтъ, по справедливости, нравственное мѣрило всего мышленія XIX столѣтія, высшая грань, до которой достигнулъ нынѣшній человѣкъ. Г. Рудль, редакторъ «Вѣстника», очень можетъ гор-

даться тѣмъ, что такой человѣкъ прислалъ ему свой портретъ съ собственноручной надписью и тѣмъ одобреніемъ, которое Гумбольдтъ высказалъ объ его изданіи. Послѣ одобренія Гумбольдта, намъ остается только напомнить о «Вѣстникѣ» тѣмъ русскимъ читателямъ, которые еще не запаслись журналомъ г. Рулье. Смѣло ругаемся, что они не будутъ жалѣть, приобрѣта «Вѣстникъ».

Журналъ Садоводства, издаваемый Россійскимъ Обществомъ Любителей Садоводства. Книжка 1 (январь). Москва. 1856 г.

Красота цвѣтка, сада всегда дѣйствовала и будетъ дѣйствовать на человѣка, потому что живопись неотразимо дѣйствуетъ на душу человѣка. Это одно изъ эстетическихъ удовольствій, такъ же, какъ литература и музыка. Мы, жители страны березъ, можжевельника и елокъ, не слышавшіе никогда, какъ шумятъ лавры, пальмы и густолиственные дубы, цѣлымъ шатромъ раскинувшіеся въ воздухъ, не слышавшіе даже запаховъ роскошнѣйшаго растительнаго царства,—мы, у которыхъ тянутся утомительные кустарники, плетни да метелки, вмѣсто деревъ, болѣе всего должны стараться пополнить скудость и непривѣтливость сѣверной природы. Валокъ, стропиль да плетней у насъ много; но какое невыносимое повтореніе, какое невеселое однообразіе окраски, подернувшей все одинаковымъ колеромъ! Поэтому акклиматизированіе деревьевъ и цвѣтовъ для насъ необходимо, необходимы люди, которые бы, силою науки и опыта, обогащали нашу національную флору, хотя бы съ помощью оранжерей, теплицъ и искусственныхъ садовъ. Путешествія ботаниковъ и ученыхъ въ отдаленныя страны уже обогатили Старый Свѣтъ растениями тропическихъ странъ. Сколько мы уже видѣли чуждыхъ нашему климату растений, которыя заслуживаютъ вниманія по своей красотѣ и изяществу, живутъ въ отечественной почвѣ... Стебель тропическаго растенія, тонкій, благовонный, ярко-цвѣтный, карабкается себѣ по стѣнкамъ нашихъ оранжерей и теплицъ, ласкаетъ взглядъ и радуется за успѣхи науки.

Вотъ причина того хорошаго впечатлѣнія, которое произвелъ на насъ первый номеръ *возобновленная* «Журнала Садоводства». Это у насъ единственный въ Россіи садовый журналъ, который издается русскими любителями въ Москвѣ, при просвѣщенномъ содѣйствіи уже прославившихся на этомъ поприщѣ гг. ванъ-Гутта, Вершаффельта, Линдена, Тапфа и Вагнера. За журналъ этотъ многіе скажутъ спасибо, потому что цѣль его—знакомить русскую публику съ растеніями воздушными и тепличными, съ растеніями, вновь открываемыми, излагать способы устройства оранжерей, теплицъ, парниковъ, разбивки садовъ, обращать вниманіе на плодоводство и огородничество, какъ на отрасли, весьма важныя въ нашемъ отечествѣ. Кромѣ того, въ составъ программы журнала, вообще богатой и общающей много, входятъ также путешествія ботаниковъ въ разныя страны свѣта. Въ краткомъ предисловіи, написанномъ редакторомъ этого журнала, г. Пикулинымъ, высказана вся цѣль этого прекраснаго изданія, и мы отсылаемъ читателя къ этому предисловію.

«Журналъ Садоводства», судя по первой книжкѣ, несмотря на всю свою специальность, можетъ быть доступенъ всѣмъ и каждому; даже дамы узнаютъ такъ много о цвѣтахъ, получаютъ нечувствительно столько знаній объ ихъ классѣ,

отечествѣ, о томъ, отчего извѣстный цвѣтокъ называется тѣмъ или другимъ именемъ, и т. д. Вѣдь немножко стыдно любить цвѣты и не имѣть хотя маленькаго научнаго о нихъ понятія, обо всемъ спрашивать своего садоваго нѣмца и его безграмотнаго помощника, который только посредствомъ русской сметки понялъ то, о чемъ толкуетъ хитрый нѣмецъ... Кромѣ удовольствія вынести пользу изъ чтенія этого журнала, читатели найдутъ при нумерахъ журнала удивительные рисунки растеній, которыя выписываетъ редакция отъ извѣстныхъ иностранныхъ садоводовъ. При № 1 приложены два иллюминированные рисунка, а именно: изящнѣйшій цвѣтокъ рододендронъ, съ темно-розовыми и пурпуровыми крапинами и карминными полосками по краямъ лепестка, и другой великолѣпнѣйшій рисунокъ растенія, интересующаго въ настоящее время всѣхъ ботаниковъ Европы—*Сарраценія Друммонда*. Красивый и оригинальный видъ этого заморскаго растенія, нынѣ распространеннаго по Европѣ, невольно поражаетъ глазъ своей мраморной окраской листьевъ, верхняя оконечность которыхъ покрыта бѣлыми и пурпуровыми пятнами, края обведены красно-лиловымъ ободкомъ; стебель этого растенія поддерживаетъ одинокій пятилепестный темно-красный цвѣтокъ. Преоригинальное, прекрасное растеніе, съ такой удивительной окраской листьевъ! Честь и слава редакціи, которая не поскупилась на приложеніе такихъ богатыхъ иллюминированныхъ рисунковъ, да еще присовокупила въ нихъ интересныя статьи... Мы не видавали еще такихъ отчетливыхъ и изящныхъ рисунковъ при русскихъ изданіяхъ.

Но кромѣ рисунковъ и политапажей, первая книжка «Журнала Садоводства» представила двѣ интересныя статьи: «Картины растительнаго царства» г. Мина и «Московскіе сады въ XVIII столѣтіи» г. Забѣлина. Намъ въ особенности понравилась статья г. Мина, и мы порадовались за редакцію, которая поняла, что подобныя статьи, хотя не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, необходимы для русской публики, которую можно пріучить въ интересамъ спеціальнымъ только посредствомъ общихъ, популярныхъ статей. Советуемъ г. Никулину не упускать этого изъ виду, не забывать, что для массы читателей, не посвященныхъ въ спеціальность естествовѣдѣнія, необходимы общіе очерки, предварительные взгляды и описанія, изложенные языкомъ живымъ и общедоступнымъ для каждаго. Г-нъ Минъ съ успѣхомъ достигнулъ этой цѣли и, популярнымъ языкомъ, слегка, но мастерски характеризовать всю красоту, богатство и важность растительнаго царства.

Статья «Московскіе сады въ XVIII столѣтіи» также читается съ большимъ интересомъ.

Въ заключеніе скажемъ, что первый номеръ «Журнала Садоводства» составленъ прекрасно. Желаемъ отъ души успѣха этому изданію, на который оно, безспорно, имѣетъ право рассчитывать. Видно, что люди съ любовью и съ знаніемъ дѣла принялись за изданіе, съ тавтомъ критической оцѣнки при разборѣ новыхъ растеній, которыя со дня на день наводняютъ Европу и—бываетъ это!—часто подъ пышнымъ именемъ растенія, привезеннаго изъ отдаленной точки земнаго шара, встрѣчаютъ старый и давно извѣстный видъ растенія....

**Очерки Сибиряка. I. Двѣичій сонъ на Новый годъ. Быль изъ вре-
менъ давно-прошедшихъ. Спб. 1856.**

Прочтавъ на заглавномъ листѣ: «Очерки Сибиряка» и зная давнишнюю скромность русскихъ сочинителей, которые нерѣдко цѣлые трактаты называютъ очерками, абрисами, этюдами и т. д., мы, признаемся, заранѣе ожидали извлечь изъ «Очерковъ» множество любопытныхъ замѣтокъ о Сибири. Что-то намъ расскажетъ почтенный сибирякъ объ этой странѣ, гдѣ все такъ ново, оригинально, гдѣ (не говоря ужь объ этнографическихъ особенностяхъ) и толстый золотопромышленникъ, и поручикъ сибирской гарнизонной стражи, и станціонный смотритель,—все имѣетъ свою особенную физиономію, говорить другимъ языкомъ и съ увлеченьемъ толкуетъ о звѣриныхъ шкурахъ,—что-то намъ расскажетъ нашъ почтенный сибирякъ?

Такъ думали мы, прочтавъ заманчивое заглавіе: «Очерки Сибиряка». Каково же было наше изумленіе, когда, перебросивъ заглавный листъ, на другомъ листѣ мы прочитали другое заглавіе: «Двѣичій сонъ на Новый годъ, въ стихахъ». Не можетъ быть! Вѣроятно, двѣическіо сны сибирскихъ барышень представляютъ что нибудь особенное, вѣроятно, имъ снится не то, что другимъ барышнямъ, и ужь недаромъ авторъ прибавилъ: *быль изъ временъ давно-прошедшихъ*. Видно, онъ выкопалъ какую нибудь сибирскую легенду!

Прочтавъ всю книжку, писанную дешевенькими стихами, въ родѣ тѣхъ, какими обыкновенно пишутъ благвоспитанныя дѣти, въ день именинъ своихъ мамашъ и крестныхъ батюшекъ, съ наивной откровенностью пролепетавъ: *для насъ—взошелъ я на Парнасъ*,—мы не нашли подобной откровенности въ неизвѣстномъ сибирякѣ. Г. сибирякъ описываетъ вмѣсто Сибири княжну, описываетъ львицу моднаго свѣта (вотъ тебѣ и быль изъ давно-прошедшихъ временъ!), раскладывающую наканунѣ Новаго года мостикъ изъ прутиновъ. Эти прутики—эмблема мирныхъ женскихъ добродѣтелей; мостикъ—лѣстница, ведущая княжну въ объятіи милаго человѣка, въ блестящей каскѣ и въ большихъ замшевыхъ перчаткахъ. А княжна-то, еслибъ вы знали, красавица какая! Господи, какъ она хороша! настоящій рафинадъ, какъ говоритъ гоголевская сваха. Посудите сами:

Груди лебеда, бѣгѣй
Бѣлой пѣны океана!
Гордо въ зеркало глядясъ,
Красотѣ своей дивясъ,
Ждетъ княжна любима-друга;
Скоро ль онъ за ней придетъ,
Ручку бѣлую возметъ,
Скажетъ: «ты моя супруга!»

Таковъ портретъ княжны. Сердце у ней необыкновенно мягкое. Какъ она перетрусилась, когда ей приснилось, что какое-то чудовище съ гусарской саблей кинулось на ея любима-друга, какъ пронзительно вскрикнула бѣдная княжна:

«Няньки, мамки, защищайте,
Жениха скорѣй спасайте...
Онъ нарубить!» (Стр. 12).

Какъ? изрубить! любимца-друга, ротмистра Юлія изрубить! Какой вздоръ, княжна! развѣ можно изрубить, изгнать ротмистра Юлія изъ вашего сердца и изъ русской литературы! Успокойтесь! еще прійдется вамъ не разъ слышать и читать подобныя разговоры:

«Ротмистръ Юлій!..»—Ахъ, вы живы! —
И огнемъ краснорѣчивымъ
Мигомъ вспыхнула княжна.
«Какъ! вы знаете? такъ скоро!
Кто сказалъ вамъ?...» — Я!... нѣтъ!.. нѣтъ!...
Робкій былъ ея отвѣтъ.
*Охвативъ горящимъ взоромъ,
Юлій стлѣ поближе къ ней.*
«Что же значать восклицанья?...»
— Такъ, оставьте безъ вниманья...
Расскажите поскорѣй,
Что случилось?—И мгновенно,
Точно жемчугъ драгоценный,
Слезы пали изъ очей.
«Боже! слезы!...»—Говорите! —
«Вы блѣдны такъ!...»—Не тоните!...

Каковъ ротмистръ Юлій? Ну, не злодѣй ли онъ, посудите сами! И за чтó такъ морочить бѣдныхъ русскихъ барышень, которыя, въ простотѣ своей, ничего возвышеннѣе не знаютъ ихъ возвышеннаго русскаго слога. О, милый марлинизъ, давно отжившій, но еще не окончательно похороненный въ нашей литературѣ заднихъ рядовъ! о, великолѣпная шумиха словъ, фонтаномъ бьющая изъ краснорѣчивыхъ устъ ротмистра Юлія! Одинъ только онъ, ротмистръ Юлій, рѣшится произнести подобныя гремучія, хвастливыя фразы, объясняясь въ любви этой добренькой княжнѣ, отъ восторга даже развѣсившей уши:

*Не заботясь о здоровьи (это говорить Юлій),
О могилѣ (?), но, храня
Сетѣ моднаго условья,
Поскакалъ съ визитомъ я...
Я счастливецъ! вы бальзамъ
Мнѣ на раны сердца льете,
Вы блаженство мнѣ даете,
Вы несете къ небесамъ!
Вашея я дышу дыханьемъ,
Жизнь мила мнѣ только въ васъ,
Съ вами жизнь и вѣчность — часъ!'
Но сказать, но васъ утвердить,
Какъ любовь моя сильна,
И огонь ея измѣрить —
Нѣтъ и мѣры, нѣтъ и словъ!*

А княжна-то?

Долго велѣды она глядѣла,
Грудь плескалась, грудь горѣла,
Чей-то голосъ говорилъ:
«Какъ хорошъ онъ, какъ онъ милъ!

Любишь друга?»

— Обожаю!

Голосъ молвилъ изъ груди.

Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не обожать ротмистра, который, покрутивъ усь, такъ выразился насчетъ ея взгляда:

Не сжигая — жжете имъ!

И даже что еще выдумалъ:

Звукамъ рѣчи задушевной,
То отрадной, то смятенной,
Потрасаете въ груди
Струны лучшія мои!

Очень интересно знать, какіи тамъ лучшія струны въ груди этого ротмистра Юліи, и точно ли есть тамъ подобныя струны... Сомнительно! не вѣрьте, княжна! Хотите знать, что за человѣкъ вашъ ротмистръ Юліи? Пустой малый, благонамѣренный трупъ старыхъ романовъ, лицо, нынѣ не существующее, ротмистръ съ мѣднымъ лбомъ, ни одной дѣльной книжки не прочитавшій на своемъ вѣку, не имѣвшій даже времени разсмотрѣть хорошенько хоть одинъ планъ знаменитаго сраженія, считающій военную науку вздоромъ, ничего не слышавшій о маршалѣ Конде, о Тюренѣ, о принцѣ Евгени, по наслышкѣ знающій великаго Суворова, и т. д., и т. д., прямой наслѣдникъ героевъ повѣстей Марлинскаго, перепрыгивающій, отъ салонныхъ огорченій, кавказскія горы и машущій, отъ нечего дѣлать, пашкой подъ самымъ небомъ...

Итакъ, читатель, если вамъ случится прочитать въ газетныхъ объявленіяхъ: «Очерки Сибиряка», то знайте напередъ, что это деликатная выходка неизвѣстнаго автора, написавшаго подъ этимъ заглавіемъ сказочку о чувствительной барышнѣ и гремучемъ ротмистрѣ. Въмѣсто того, чтобъ ознакомиться съ Сибирью, васъ схватитъ въ объятія миладка-ротмистръ и, принявъ васъ за поджидаемую княжну, станетъ тискать васъ къ своей воинственной груди...

Слузты, сцены въ стихахъ В. Н. Попова. Спб. 1656.

Стихи г. Попова совершенно другаго рода, чѣмъ стихи автора «Очерковъ Сибиряка». Г. Поповъ, по крайней мѣрѣ, не увѣраетъ, что онъ описываетъ былъ изъ давно-прошедшихъ временъ, напротивъ, онъ описываетъ сцены изъ современнаго быта и, притомъ, въ *новѣйшемъ* вкусѣ. Сатира, злая сатира разлита въ поэзіи г. Попова! Коже, какъ онъ хлещетъ наше современное ничтожество, какъ озлобленный герой его, Калитинъ, глубокомысленно разсуждаетъ о томъ, что ему стукнуло тридцать лѣтъ! Тридцать лѣтъ — и человѣкъ ничего не сдѣлалъ, тридцать лѣтъ — и все сердится, тридцать лѣтъ — и все повторяетъ одно и то же, тридцать лѣтъ — и все говоритъ съ чужаго голоса! Положеніе истинно-драматическое, и, признаться, Калитинъ такъ искренно жалѣетъ о себѣ, съ такимъ презрѣніемъ отзывается о *мишурномъ* свѣтѣ, объ окружающей его пустотѣ, что мы даже порадовались за него. «Ну, въ добрый часъ — подумали мы — вѣроятно, онъ тотчасъ сядетъ къ письменному

столу, попросить, чтобъ отыскали чернильницу, зайкетъ у пріятеля-чиновника перо и напишетъ прошеніе о ревностномъ своемъ желаніи поступить на службу, или же, что тоже хорошо, займетъ другимъ какимъ нибудь серьезнымъ дѣломъ. Немудрено: человекъ огорченъ, человекъ въ раздраженіи, что проболтался тридцать лѣтъ на своемъ вѣку; онъ хочетъ, вѣроятно, чѣмъ нибудь заняться, заглядитъ прошлое, и ужь недаромъ онъ съ такой энергіей и жолчью заговорилъ, въ первомъ своемъ монологѣ, о нашемъ воспитаніи, — вѣдь какъ заговорилъ-то! ни дать, ни взять—грибоѣдовскій Чацкій:

Кого я видѣлъ предъ собою?
Французскія куколь длинный рядъ.
Онъ — не съ русскою душою
И не по русски говорить.

Потомъ — все тамъ же, въ первомъ монологѣ — Калитинъ такъ расхотѣлся, что сталъ посреди комнаты и обратился съ рѣчью къ цѣлой Россіи:

. . . Боже мой!
Проснись, Россія дивный гевій, —
Проснись, и мощною рукою
Направь ты наше воспитанье,
Дай чистой правды свѣтъ познать
И, бросивъ яго подражанья,
Заставь себѣ насъ подражать.

Эге-ге! человекъ недожизненный: какихъ матерій касается... видно, Чацкій на александрийской сценѣ очень ему понравился. Что жъ! это еще не бѣда; у Калитина впечатлительная натура, у него хорошая память, онъ сидѣлъ въ первыхъ рядахъ креселъ и глоталъ каждое слово благороднаго Чацкого... Такъ, Калитинъ бранитъ общество, говоритъ о нашемъ жалвомъ воспитаніи... Очень интересно знать, что будетъ онъ дѣлать еще.

Ну, что, если, сохрани Богъ, онъ станетъ все отпускать ядовитыя остроты да изливать жолчь на очень ограниченнаго человека, своего пріятеля Клиновскаго, котораго онъ, потому что послѣднему вздумалось искренно влюбиться, считаетъ вруглымъ дурачкомъ? Такъ и есть: опять эта скверная жолчь, беззубыя остроты, старыя нападки на суетность женщинъ, громкія фразы... Досадно: Калитинъ повторяется, Калитинъ, надувается нестерпимо, Калитинъ распустилъ хвостъ, Калитинъ, во что бы то ни стало, хочетъ удивить знаніемъ свѣта своего ограниченнаго пріятеля. Онъ смотритъ на него свысока, онъ считаетъ себя Александровской колонной въ сравненіи съ бѣднымъ Клиновскимъ; онъ въ душѣ даже презираетъ Клиновскаго, который съ такимъ добродушіемъ прибѣгаетъ (на третьей страницѣ) на выручку зарпортовавшагося философа и съ кротостью говорить: *voilà, mon cher!* (Стр. 3).

Клиновскій признается своему жолчному другу, что онъ влюбился въ хорошенькую вдову, т. е. Кринецкую, и хочетъ на ней жениться. Съ какимъ презрѣніемъ отозвался Калитинъ о женщинахъ, какъ отхлесталъ Кринецкую, эту французскую куколку, которая хоть и блхстаетъ,

Зато и курить, и стрѣляетъ,
И ѣдитъ цѣлый день верхомъ.

По уходѣ Кляновскаго, философъ, покачавъ головой, съ презрѣніемъ проивнесъ:

Смѣшонъ Кляновскій мнѣ! Чудакомъ, въ кого влюбился!
Въ кокетку страшную!.. А что виной тону?
Все воспитаніе!

Далось ему это словечко: съ языка не сходитъ! Что станете дѣлать съ бѣдныиъ Калитинымъ: если человекъ, напримѣръ, шляпу себѣ на голову надѣлъ, онъ, навѣрное, съ усмѣшкой скажетъ: все воспитаніе! увидить у когонибудь красивый кисетъ—все воспитаніе! сапогъ, положимъ, у васъ жметъ—виноватъ будетъ, конечно, не сапожникъ, а воспитаніе; влюбились вы—виновато не сердце, а воспитаніе. Намъ почему-то кажется, что, еслибъ, напримѣръ, ктонибудь отъ горячки умеръ, то Калитинъ, посмотрѣвъ на него мрачно, съ негодовашемъ проивнесъ бы:

А что виной тому?
Все воспитаніе! Какъ жалокъ свѣтъ! вездѣ мученья,
Вездѣ и всѣмъ грозить бѣда!...

Да что онъ за господинъ такой? Не разумѣетъ ли онъ—какъ это ни странно кажется съ перваго взгляда—подъ словомъ *воспитаніе* другаго слова: *женщина*, и ужъ не навидитъ ли онъ этихъ женщинъ? Онъ не можетъ не бранить ихъ очень шибко, и все этакъ съ высока.

Обривованья блескъ снаружи,
И пустота, межъ тѣмъ, въ сердцахъ!
А въ пансіонахъ часто хуже:
Дѣвницъ тамъ учать танцовать,
Болтать немного по французски,
Неправильно писать по русски,
Кой-что явъ биеера вязать!...
Къ чему такое воспитанье
Несчастныхъ дѣвушекъ водеть?

Ну, такъ и есть: Калитину, по всей вѣроятности, насолила какая-нибудь пансіонерка, которая кой-что изъ бисера вязала; онъ и напустился на воспитаніе. Милосердный Боже! какъ легко можно огорчить человекъ! Погибъ Калитинъ, *достойный лучшей доли*, погибъ ни за копейку, потерянъ навсегда для дамскаго общества! Какъ бы не такъ! Послушайте, чѣмъ разрѣшились всѣ его ядовитые монологи, чѣмъ кончилъ карьеру этотъ глупѣйшій изъ фразеровъ, пышный на слова, убогій на дѣло.

Пріятель его Кляновскій, который смотритъ на Калитина чуть ли какъ не на гешальнаго человекъ, знакомитъ его съ г-жою Кринецкою, въ которую онъ, Кляновскій, влюбленъ. Вдовушка оказывается премилой особой: очень недурно стрѣляетъ изъ пистолета, верхомъ ѣздитъ порядочно, курить отлично и, съ болтливостью свѣтскаго ребенка, сама признается Калитину:

А еслибъ знали вы, какъ я
Изъ пистолета въ цѣль стрѣляю,
Иль на конькахъ вѣтаюся, я знаю,
Вы ужаснули бы меня!

Что ж, вы думаете, Калитинъ осмыгль упреками эту, по его выра-
женію, *Французскую куклу*. Нѣтъ, онъ оробѣлъ совершенно и едва слышно
произнесъ:

Напротивъ, долженъ я признаться,
Что сожалѣю объ одномъ:
Что не могу быть ~~задомъ~~,
Чтобъ съ ванн смѣло состязаться;
Что не могу, какъ вы, стрѣлять,
Коньвовъ боюся больше смерти;
Хотя и грустно мнѣ, повѣрьте,
Но долженъ я отъ васъ отстать.

Хотя онъ и свривилъ ротъ на манеръ сатирической улыбки, но, вмѣсто
жолчи, упрековъ и негодованія на воспитаніе, онъ занѣлъ тихо, слабо, какъ
малиновка. Вдругъ, точно кто нибудь толкнулъ его подъ бокъ, Калитинъ
опоминлся, взъерошилъ волосы в, чтобъ не ударить въ грязь лицомъ, началъ...
о чемъ бы вы думали? о томъ, какія идеи русскія матери развиваютъ у своихъ
взрослыхъ дочерей, — словомъ, напалъ на свой конекъ, на воспитанье... и какъ
грозно — послушайте:

Какія въ ней,
Гордась любовію своею,
Она идеи развиваетъ?
Она старается убить
У ней воввышешныя чувства,
Она хлопочетъ въ ней развить
Необходимое искусство —
Богатыхъ жениховъ ловить!
И дочь, понявши наставленья,
Для нихъ готова расточать
Свои улыбки, взоры, пѣнье,
Готова дѣлать день бренчать,
Для полноты обвороженья!
Вотъ воспитаніе въ домахъ!

Вѣроятно, пріятель Клиновскій, который сидѣлъ тутъ же (передъ нимъ-
то болѣе всего и хотѣлъ щегольнуть Калитинъ), подумалъ: «фу, ты! голова-
то, голова у моего друга Калитина! золотая головка... вотъ отхвतालъ, такъ
отхвतालъ!»

И когда при прощаніи г-жа Кринецкая, какъ вѣжливая хозяйка, ска-
зала неугомонному фразеру:

Надѣюсь, не въ послѣдній разъ
Вы у меня, хоть въ наказанье
За ваши колкости...,

то нашъ Калитинъ, довольный собою, сухо отвѣчалъ:

О, я готовъ у васъ
Всегда наказанъ быть... Прощайте.

Во второмъ дѣйствіи «Слуэтовъ», г-жа Кринецкая сидѣтъ одна, въ
неглиже, и жалуется на то, что она очень устала. Еще бы не устать: ган-

цуетъ до упаду, папироски курить самымъ свирѣлымъ образомъ, да еще, подобно знаменитой тетушкѣ несравненнаго Ивана Федоровича Шповьки, въ стрѣльбѣ упражняется. Вдругъ входитъ Калитинъ. Кринецкая въ восторгѣ, забыла о своемъ неглиже и говорить ему нараепѣвъ, подкативъ глазки:

Скажите,
Что васъ давно такъ не видать?

КАЛИТИНЪ.

Деревню въ тонъ вините,
Что я не могъ у васъ бывать.

КРИНЕЦКАЯ.

Ну, какъ же вы тамъ поживали?
Я думаю, что не скучали?

КАЛИТИНЪ.

Я полагалъ, зеленый лугъ,
Картины нирныя природы
Мой усмирять *мятежный* (?) духъ
И возвращать былые годы.
Но что жь? Журчаніе ручья,
Игра пастушеской свирѣли,
Шумъ лягушекъ, пѣнье соловья
Мнѣ черезъ мѣсяцъ надоѣли.

Кринецкая замѣчаетъ ему, отчего же онъ, философъ, не полюбилъ деревенской поэзіи, которая стоитъ того, чтобъ ее полюбить? отчего онъ живетъ трутнемъ, болтается между небомъ и землей? отчего онъ, наконецъ, не исполнить хоть долга гражданина, какъ выражается Чичиковъ, т. е. хоть бы женился онъ, по крайней мѣрѣ? Боже, какъ разсердился нашъ Калитинъ, какъ заревѣлъ онъ звѣрски на вдову! онъ просто пришелъ въ бѣшенство и крикнулъ на беззащитную женщину:

Вы деревенскою женою
Меня хотите надѣлать?
Нѣтъ! лучше заживо зарыть
Себя, чѣмъ жертвовать собою,
Чѣмъ вѣкъ безвыходно страдать
И, не дѣлясь ни съ кѣмъ душою,
Средь огородовъ прозябать!

Позвольте, г-нъ Калитинъ, позвольте, ну перестаньте же махать руками и раздувать ноздри, перестаньте: вѣдь вамъ тридцать-первая весна пошла. Вы изволите говорить, что не желаете прозябать среди огородовъ; да дѣло въ томъ, что въ столицѣ вы браните мишурный свѣтъ, въ деревнѣ—шумъ лягушекъ и пѣнье соловья: чего же вы хотите, скажите на милость? Повѣрьте, съ вашимъ дряннымъ фразерствомъ, школьнымъ озлобленіемъ вы вездѣ будете прозябать—и въ деревнѣ, и въ столицахъ. Въ деревнѣ вы на волосъ ничего не сдѣлаете добраго, а въ столицѣ и подавно: десять лѣтъ проживете въ Петербургѣ и ни разу не заглянете въ Императорскую Публичную Библиотеку,

ве выслушаете вы одного публичнаго курса хоть одной науки, не заглянете даже ивъ любопытства въ университетъ, а все будете толковать о просвѣщеніи до о воспитаніи и, по прежнему, на диво черни *простодушной* (напр., Клиновсваго), станете обращаться къ Россіи, со слезами на глазахъ:

Проснись, и мощною рукою
Направь ты наше воспитанье!

Эхъ, почтеннѣйшій! что вы кривляетесь, надуваете себя и другихъ! Лучше проснитесь прежде сами и поплачьте о себѣ, а потомъ ужъ о Россіи. Вѣдь вы, сами того не знаете—гнидушка общества,—гнидушка, которая хочетъ стать на ходули. А вмѣсто этого, какъ было бъ почтенно и благородно съ вашей стороны (вѣдь вы же пьляете духомъ усовершенствованія!), еслибъ вы скромно, безъ шуму занялись чѣмъ нибудь да прихотвли бъ къ занатіямъ и къ серьезнымъ разговорамъ Клиновскихъ, да не фразерствовали, не подымали носъ кверху: тогда бъ на дѣлѣ вы доказали ваши слова:

Я твердо вѣрю, что любовь
На этомъ свѣтѣ существуетъ.

Вотъ ивъ вашей школы и вышли бъ тогда хоть два-три порядочныхъ человѣка, да вы четвертый. Общество, разумѣется, васъ не замѣтило бъ; а все-таки стало бъ меньше четырьмя фразерами: и то слава Богу. Конечно, авторъ вашъ, г. Поповъ, считаетъ васъ какъ будто порядочнымъ человѣкомъ; да отъ этого вамъ не легче: при такомъ фальшивомъ взглядѣ, при необдуманномъ желаніи повторять избитыя фразы вездѣ, вы будете прозябать, вездѣ останетесь трутнемъ и лишнимъ человѣкомъ въ Божьей шірѣ.

Какъ вы думаете, читатель, чеге собственно хочетъ Калитинъ? Вы не вѣрьте его фразамъ о семь, о другомъ, о третьемъ: онъ желаетъ только одного—отыскать себѣ супругу:

Которая бы повяла
Свое высокое значенье
И исключедемъ была
Изъ нынѣшняго поколѣнья! (Стр. 20.)

Вѣдь малаго желаетъ добрый Калитинъ! женщина, которая по сердцу, по душѣ, была бы исключедемъ изъ нынѣшняго поколѣнія! И вообразите себѣ, онъ отыскалъ такую женщину: вдовушка Кринецкая, лихо развѣзжающая на конькахъ, осчастливила философа и вышла за него замужъ. И тотъ человѣкъ, который бранилъ модныхъ львицъ, презиралъ балы, театры, маскарады, съ жолчью отзывался о барышняхъ, кой-что вяжущихъ изъ бисера, нападалъ на распущенность нравовъ, женился на Кринецкой, стрѣляющей изъ пистолета! Вотъ ужъ подлинно: по Сенькѣ шапка.

Мы представляемъ себѣ слѣдующую семейную картину: слуга за завтракомъ опоздалъ, положимъ, во-время подать слѣдующее блюдо, и Калитинъ бросается на него съ яростью:

А что виной тому!
Все воспитаніе! Какъ язлокъ свѣтъ! вездѣ мученья,
Вездѣ и всѣмъ грозить бѣда!

А вдовушка, прикинувшаяся подъ конецъ пьесы исключе́мъ нъзъ женшинъ нынѣшняго поколѣнія, отъ скуки зарядитъ себѣ пистолетъ, да и банъ, баць, баць! ну! хоть въ дагеротипъ своего муженька, который, вѣроятно, виситъ въ ея будуарѣ. Веселенькій бракъ, нечего сказать....

Напрасно г. Поповъ не прядаль своей пьесѣ комическаго отбѣнка и вообразилъ, что Калитинъ достоинъ серьезнаго изображенія. Напрасно; сюжетъ очень недурень, и еслибъ все это представить въ юристычскомъ видѣ, то вышло бъ больше оживленія и правды.

Теперь вопросъ: отчего г. Поповъ назвалъ свои сцены «Силуэтами»? Заглавіе совершенно нейдетъ къ дѣлу. Не лучше ли было бъ, если бы г. Поповъ назвалъ свою пьесу: *Все воспитаніе! и вдова съ пистолетомъ!* По крайней мѣрѣ это отбѣчало бъ основной идеѣ и было бы подъ стать изящнымъ заглавіямъ, которыя мы привыкли встрѣчать на афишахъ Александринскаго Театра.

Разведеніе свекловицы и добываніе свекловичнаго сахара по совершенно новымъ методамъ. Сочиненіе М. Веллера. Москва. 1856.

Фабрикація стеариновыхъ, маргариновыхъ, прозрачныхъ, солнечныхъ, сальныхъ и вообще всякаго рода свѣчей. Мельвейера. Москва. 1855.

Прантина золоченія и серебренія всѣхъ вообще металловъ по новейшимъ открытіямъ. Составлено Шрейберомъ. Москва. 1855.

По поводу всѣхъ этихъ и множества подобныхъ переводныхъ книжекъ приходитъ намъ непреодолимое желаніе повторить еще разъ давнишнее замѣчаніе: что за охота издателямъ ихъ компрометировать свои изданія широкими заглавіями, когда издаваемые книжки сама по себѣ недурны, какъ тѣ, заглавія которыхъ мы выписали? Соглашаемся, что къ пустой и нелѣпой книжонкѣ шарлатанское заглавіе очень идетъ, даже необходимо ей, потому что она и издается только для заглавія, которое имѣетъ цѣлью обманывать неопытныхъ покупателей. Но зачѣмъ шарлатанствомъ портить вещь, быть можетъ, недурную, быть можетъ, даже хорошую? Вѣдь кажется, что это можетъ только повредить ей. Укажемъ въ примѣръ хоть на первое изъ названныхъ нами руководствъ. Написано оно съ толкомъ; переведено, положимъ, очень изящно, но кому дѣлу до изящества языка, когда рѣчь идетъ о разведеніи свеклы и добываніи сахара? Лишь бы только можно было понять смыслъ,—и довольно; а смыслъ въ переводѣ соблюденъ. Кажется, въ сущности дѣла дурнаго ничего нѣтъ: зачѣмъ же придавать ему подозрительную наружность, безобразя книжку такимъ заглавіемъ:

«Разведеніе свекловицы и добываніе свекловичнаго сахара по совершенно новымъ методамъ, помощію которыхъ свекловично-сахарное производство доставляетъ большую выгоду и каждому земледову-домохозяину даетъ возможность, съ простыми снарядами, готовить для себя потребное количество сахара.»

Не явная ли нелѣпость это обѣщаніе дать каждому помѣщику возмож-

ность дѣлать въ годъ 15—20 пудовъ сахару для домашняго обихода! могутъ быть указаны въ книжкѣ совершенно новыя методы?—въ книжкахъ нелѣпостей не содержится. Ужели составители подобныхъ заглавий думаютъ, что нелѣпное хвастовство отобьетъ у каждаго мало-мальски вѣстнаго человѣка охоту заглянуть въ брошюру съ такимъ шарлатанскимъ заглавіемъ? Кто повѣритъ, что она можетъ быть недурна? Беремъ другую, опять недурную книжку:

«Фабрикація стеариновыхъ, маргариновыхъ, прозрачныхъ, солончатыхъ, салыныхъ и вообще всякаго рода свѣчей. Практическое, на новѣйшихъ такъ основанное руководство приготовить свѣчи, сообщать имъ необыкновенную бѣлизну и яркость свѣта посредствомъ вновь изобрѣтенныхъ свѣтлоочищающихъ сало до невозможной степени чистоты и устраивать свѣчные лампы по выгоднѣйшимъ планамъ».

У какого разсудительнаго хозяина будетъ охота заглянуть въ книгу съ такимъ подозрительнымъ заглавіемъ?

По нашего мнѣнію, эти шарлатанства должны вредить успѣху. Надатели думаютъ, что издавать книги у насъ можно только для простаковъ, которыхъ надобно и можно обманывать? Они ошибаются, и напрасно, самимъ себѣ, вредить и вообще развитію у насъ книжной торговли. Слѣдуетъ имъ серьезнѣе подумать о томъ, что добросовѣтность есть въ насъ хорошее качество въ нравственномъ отношеніи, но и первое, необходимое для всякаго вѣрнаго успѣха.

Первое чтеніе в первые уроки для маленькихъ дѣтей. Сочиненіе А. Ишмовой. Часть I. Спб. 1855.

Имя г-жи Ишмовой, какъ составительницы дѣтскихъ книгъ, давно приобрѣло у насъ такую извѣстность, что педагогическій курсъ, ею издаваемый, не нуждается въ нашихъ похвалахъ. Мы ограничимся только извѣщеніемъ о содержаніи первой части «Уроковъ для маленькихъ дѣтей» «Многія матери семействъ»—такъ объясняетъ въ предисловіи г-жа Ишмова цѣль свою новаго сочиненія—«занимающіяся сами воспитаніемъ дѣтей сами давно говорятъ съ величайшею похвалою о сочиненіи французской писательницы г-жи Тастю «L'education maternelle» и, сожалѣя, что у насъ подобной книги, изъявляли не разъ желаніе имѣть, по крайней мѣрѣ, въ переводѣ». Достоинство курса г-жи Тастю несомнѣнно (продолжаетъ г-жа Ишмова); но переводъ этого приноситъ бы мало пользы нашимъ дѣтямъ, потому что составительница обращаетъ главное вниманіе на то, что нужно и интересно для французскихъ дѣтей, а не для русскихъ. Потому г-жа Ишмова рѣшилась изъ своей книги «Чтеніе для дѣтей юрваго возраста» составить руководство, которое, будучи применено къ потребностямъ русскаго воспитанія, съ выгодною замѣнило бы для нашихъ матерей-воспитательницъ книгу г-жи Тастю.

Въ первой части, нынѣ издаваемой, заключаются уроки чтенія, какія фѣи, нумерація и краткая священная исторія. Все это изложено въ видѣ разговоровъ между матерью и дѣтьми или въ формѣ маленькихъ повѣстей. Чтѣ-

которыхъ, по мнѣнію г-жи Ишимовой, будетъ замѣкательно для дѣтей. Разговоры и повѣсти дають случай сообщить маленькимъ читателямъ первоначальныя понятія изъ естественныхъ наукъ и пр. Всѣ они проникнуты чистѣйшею нравственностью.

Изданіе книги, украшенной большимъ числомъ прекрасныхъ виньетокъ, очень изящно.

Новороссійскій Календарь на 1856 годъ, издаваемый отъ Рипшелевскаго лица. Одесса. 1856.

Составъ «Новороссійскаго Календаря на 1856 годъ» въ главныхъ чертахъ тотъ же, какой имѣло это изданіе за предъидущіе годы. Въ первомъ отдѣленіи помѣщены мѣсяцословы: православный, армянскій, католическій и реформатскій, календари еврейскій и мухамеданскій и нѣкоторыя другія календарныя и астрономическія таблицы; во второмъ «Россійскій Императорскій Домъ», хронологическій епнеокъ событій Новороссійскаго края и указатель замѣчательныхъ предметовъ въ городахъ этого края, статистическія таблицы, новороссійскій дорожникъ, росписаніе почтъ и проч.; въ третьемъ—новороссійскій адресъ-календарь.

По еврейскому счисленію, наступившій (съ 6 января) годъ есть 5616-й отъ сотворенія міра; по мухамеданскому—до 20 августа продолжается 1272, а съ 20 августа начинается 1273 годъ гиджры.

Въ числѣ замѣчательныхъ событій Новороссійскаго края за послѣдніе два года (кромѣ военныхъ дѣйствій, хорошо извѣстныхъ каждому) показаны:

1854 годъ. Права одесскаго порто-франко продолжены на три года (т. е. по 15 августа 1857 г.).—Учрежденъ въ Одессѣ Комитетъ для прирѣвнѣя неимущихъ жителей города.

1855. Построены на счетъ пожертвованій города Одессы телеграфическія башни отъ Одессы до Очакова. Учреждена линія электрическаго телеграфа изъ одессы до Москвы и Петербурга.—Закрѣтъ при Рипшелевскомъ Лицеѣ Институтъ Восточныхъ Языковъ, по случаю учрежденія восточнаго факультета при С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Изъ «Новороссійскаго дорожника» заимствуемъ нѣкоторыя цифры, интересныя для соображенія пространствъ, по которымъ совершались въ теченіе войны движенія нашихъ войскъ:

Отъ Одессы до Балаклавы 514 верстъ; до Бахчисарая—460; Евпаторіи—492; Еникале—641; Керчи—630; Кишинева—165; Николаева—121; Очакова—120; Перекопа—327; Севастополя—502; Симферополя—430; Таганрога—745; Херсона—183; Феодосія—535 верстъ.

Отъ Херсона до Николаева 62 версты; Очакова—115; Перекопа—103; Севастополя—319; Симферополя—246 верстъ.

Отъ Симферополя до Балаклавы—83 версты; Бахчисарая—30; Евпаторіи—62; Еникале—211; Керчи—201; Кишинева—595; Николаева—308; Перекопа 133; Севастополя—72; Таганрога—625; Феодосіи—104 версты.

Одесса отстоитъ отъ Каменецъ-Подольска на 455 верстъ; Кіева—557; Полтавы—463; Тифлиса—1,694; Харькова—660 верстъ.

Симферополь отстоятъ отъ Каменецъ-Подольска на 884 версты; Кіева— 789; Полтавы— 626; Тифлиса— 1,500; Харькова— 649 версть.

Изъ таблицъ, показывающихъ цѣну иностранныхъ монетъ, приводимъ слѣдующія монеты, не показываемыя въ «Академическомъ Мѣсяцословѣ»:

Англійскія монеты: гиней 6 р. 47¹/₂ коп., соверень— 6 р. 26¹/₂ к., крона— 1 р. 50¹/₂ к., шиллингъ— 30¹/₁₂ коп. сер.

Неаполитанскій скуди 1 р. 24 коп., Папской Области скуди— 1 р. 31 к. сер., сардинскій скуди— 1 р. 22 к., сардинская лира 24¹/₃ к., тосканская лира 20 к. сер., Сѣверо-американскій долларъ 1 р. 31¹/₂ коп. сер.

Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка III, изданная подъ редакцію Е. Вердеревскаго. Тифлисъ 1855.

Изъ трехъ статей, напечатанныхъ въ III книжкѣ «Записокъ Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества», именно: «О Талышинцахъ г. Росса,» о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ Округѣ» кн. Эрнстова и «Поѣздка въ Вольную Сванетію» г. Бартоломея, каждая имѣетъ капитальное достоинство, представляя много новыхъ и важныхъ матеріаловъ для этнографіи Кавказскаго края. «Поѣздка въ Вольную Сванетію» г. Бартоломея дошла до насъ также въ видѣ брошюры, отдѣльно перепечатанной изъ «Записокъ», и составляетъ предметъ особой рецензіи въ этомъ же номерѣ «Современника». Изслѣдованіе о талышинцахъ г. Росса представляетъ, кромѣ краткаго введенія, краткую грамматику и сборникъ словъ талышинскаго нарѣчія—данныя, интересныя для науки, но не для большинства читателей: потому скажемъ о ней лишь нѣсколько словъ, обращая главное наше вниманіе на статью кн. Эрнстова, содержащую общеприятное описаніе быта двухъ изъ числа племенъ, населяющихъ Тушино-Пшаво-Хевсурскій округъ, именно о пшавцахъ и хевсурахъ.

Округъ, занимаемый этими малоизвѣстными народами, граничитъ на сѣверъ съ землями чечевцевъ, на востокъ съ Дагестаномъ, на югъ съ Тифлискимъ уѣздомъ. Пшавцы и хевсуры говорятъ почти однимъ и тѣмъ же нарѣчіемъ грузинскаго языка, сохранивъ его старинныя формы и слова, которыя уцѣлѣли въ книгахъ, но давно исчезли изъ разговорнаго языка нынѣшнихъ грузинъ, которые потому едва могутъ или вовсе не могутъ понимать своихъ соотечественниковъ. Языкъ пшавцевъ и хевсуровъ неоспоримо доказываетъ, что они вышли въ горы, которыя теперь занимаютъ, съ юга, изъ Грузіи по всей вѣроятности для того, чтобы уйти отъ турецкихъ и персидскихъ нашествій. Небольшой округъ, нынѣ ими занимаемый (около 80 кв. миль), представляетъ всѣ степени перехода отъ мертваго царства снѣговъ на хребтахъ до знойнаго климата въ лощинахъ, гдѣ растутъ миндальный и миртошья деревья.

Сохраняя смутныя воспоминанія о вѣрѣ, которую вынесли изъ Грузіи, хевсуры и пшавцы считаютъ себя христіанами и принимаютъ, какъ смертельную обиду, если кто назоветъ ихъ нехристіями; но догматы христіанства уже совершенно затемнены у нихъ грубымъ суевѣріемъ и многобожіемъ. Они почитаютъ Крестъ, апостоловъ Петра и Павла, Михаила Архангела, но поклоняются своимъ языческимъ богамъ: богу востока, богу запада, богу душъ,

съ тѣмъ вмѣстѣ признають в Христа Бога. Кромѣ того, есть у нихъ духъ земли, духи дубовъ, духи горъ и т. д.; есть и богиня или покровительница людей Тамара (знаменитая грузинская царица). Многія молитвы ихъ—христіанскія, только искаженныя невѣжествомъ. Подобно армянамъ, они не ѣдятъ заячьяго мяса и, подобно мусульманамъ, свинины; какъ евреи, празднуютъ субботу, кромѣ того, уважають пятницу, какъ мусульмане, воскресенье, какъ христіана. Въ нѣкоторыхъ капищахъ есть кресты; но еще болѣе народъ уважаетъ опрaвленную въ серебро палку, обмотанную платкомъ и украшенную серебряннымъ шаромъ и желѣзною пикою: это «дроша», родъ знамени. Дроша есть въ каждомъ капищѣ. Кромѣ того, каждое капище имѣетъ мѣдные котлы, въ которыхъ на праздники варятъ пиво; часто бываютъ и серебряные сосуды, иногда очень большой цѣны. Есть капища, имѣющія серебра тысячъ на двадцать рублей. Капище недоступно для народа: туда могутъ входить только жрецы. Кромѣ жрецовъ, есть у нихъ колдуны, колдуньи и т. д. Одиавшіе потомки грузинъ сохраняють воспоминанія о времени Великаго поста, о праздникѣ Пасхи, но забываютъ смыслъ этихъ установленій. Они вѣрятъ, что грозу посылаетъ Эліа (пророкъ Ілія), который ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, и просятъ его о ниспосланіи дождя; но есть у нихъ для прекращенія засухи и другое средство: «пахать дождь»—обрядъ, состоящій въ томъ, что дѣвушки запрягаются въ плугъ, стаскивають его въ рѣку и волокутъ вдоль берега, идучи сами по поясъ въ водѣ. На Масляницу они переряжаются и ходятъ по улицамъ въ вывороченныхъ шубахъ, прикрывъ лицо войлокомъ, въ видѣ маски. Кромѣ заговоровъ и колдовства, есть доступныя каждому средства предохранить себя отъ той или другой болѣзни на цѣлый годъ. Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы *побѣдить* ту или другую изъ перелетныхъ итицъ, то есть увидѣть ихъ въ первый разъ поелѣ весенняго прилета въ требуемомъ положеніи,—напримѣръ, если въ первый разъ увидишь удода, имѣя голову причесанную, то будешь цѣлый годъ безопасенъ отъ головной боли. Когда услышишь первый весенній громъ, надобно поскорѣ схватить камень и бить имъ себя по спинѣ, приговаривая: «крѣпись, спина!» Поелѣ того цѣлый годъ не будешь чувствовать боли въ поясницѣ. Если увидишь первую весеннюю молнію, держа въ зубахъ кусочекъ желѣза: не будутъ болѣть зубы.

Праздники начинаются жертвоприношеніями и молитвами; потомъ народъ и жрецы принимаются пировать. Скотъ для мясныхъ блюдъ пригоняется ирѣяная, другіе съѣстные припасы доставляются на пиръ ими же; пиво отчасти также приносится ими, отчасти варится въ самомъ капищѣ, назначеннымъ къ тому человѣкомъ—дастури. Обязанность дастури отправляется поочередно ирѣяями. Дастури цѣлый годъ живетъ въ капищѣ не можетъ, втеченіе этого времени, ни разу навѣстить своего дома или видѣться съ женой, не смѣетъ даже говорить ни съ кѣмъ, кромѣ жрецовъ, чтобы не оскверниться. Пища его—только черствый хлѣбъ съ водою. Разъ въ недѣлю онъ долженъ, несмотря ни на какое время года, купаться въ рѣчкѣ, къ которой ходитъ особую тропкою; по этой тропѣ никто, кромѣ его, не смѣетъ ходить.

У хевсуръ невѣста обручается жениху еще въ дѣтствѣ, иногда въ младенчествѣ. Бракъ совершается, когда ей исполнится двадцать лѣтъ: тогда по-

сылаются отъ жениха сваты, которые пробираются къ дону невѣсты тайкомъ. Родители ея сначала отказываютъ сватавъ, потомъ дѣлають пирь, и невѣста отправляется въ домъ жениха, который остается пока спрятанъ гдѣ нибудь у сосѣда. За невѣстой приходитъ, поодиночкѣ, ея родные. Потомъ приводитъ жениха, сажаютъ его съ невѣстой у огня, разведеннаго по срединѣ комнаты, наблюдая, чтобы дымъ вѣялъ прямо въ лицо обрученной четѣ. Жрецъ читаетъ молитвы, ставитъ передъ женихомъ и невѣстой кушанья и пиво, даетъ имъ по восковой свѣчѣ. Они встають. Жрецъ иглою прокалываетъ имъ концы одежды, потомъ опять читаетъ молитвы. По окончаніи обряда, молодые втеченіе двухъ ведкль, чуждаются другъ друга, даже не говорятъ между собою. Потомъ молодая отправляется на двѣ ведѣли въ домъ родителей. Только по возвращеніи ея оттуда къ мужу, молодые начинаютъ жить, какъ мужъ и жена. За стыдъ считается, если молодая родитъ до истеченія трехъ лѣтъ со времени брака. Стыдомъ также считается мужу спать вмѣстѣ съ женою, кромѣ первыхъ трехъ дней брачной жизни. У шавцевъ брачныя обряды менѣе многосложны.

У того и другаго племени мужъ можетъ прогнать отъ себя жену, когда ему вздумается. Ни ему, ни ей это не приноситъ безчестья. Онъ тотчасъ же прискиваетъ себѣ другую жену, а она—новаго мужа. При чрезвычайной грубости вравовъ, жена—не болѣе, какъ рабыня, хотя часто браки заключаются по любви. Обходиться съ женою ласково или кротко—стыдъ для мужа. Но дѣтей родители любятъ и балуютъ.

Беременная женщина старается, пока только можетъ, скрывать беременность. Не только ей, но и мужу ея не позволяется бывать на праздникахъ: оба они осквернены. Когда приближаются роды, она уходитъ, или, лучше сказать, ее выговяють изъ дому, въ шалашъ, построенный на версту отъ деревни, и покидаютъ совершенно одну, безъ всякаго пособія. Если роды трудны, что узнается только по слишкомъ сильнымъ и продолжительнымъ криканъ родильницы, мужчины подкрадываются къ шалашу и даютъ залпъ изъ ружей, чтобъ испугать родильницу: испугомъ, по ихъ мнѣнію, роды облегчаются. Па другой день послѣ родовъ, приносятъ хлѣбъ къ ея шалашу, но въ шалашъ не входятъ. Въ этомъ одиночествѣ она проводитъ сорокъ дней, потомъ возвращается въ деревню, но не домой: она и ребенокъ еще считаются нечистыми: они должны, для очищенія, прожить двѣ недѣли въ особенномъ здапіи.

Когда замѣчаютъ, что больной умираетъ, его немедленно вытаскиваютъ изъ сакли на дворъ, чтобы мертвое тѣло не осквернило сакли. Для завыванія и причитыванія надъ мертвыми, существуютъ особенныя плакальщицы, которыя неутомимо трудятся вмѣстѣ съ родственницами, производя въ домѣ невыносимыя гвалтъ и крикъ. На похоронахъ совершается тризна, съ воинственными играми, скачкою и стрѣльбою въ цѣль. Послѣ всѣхъ обрядовъ, присутствующіе выкуриваютъ по трубкѣ махорки, за упокой души похороненнаго. Черезъ пять недѣль и черезъ годъ совершаются поминки, тѣмъ же порядкомъ.

Хевсуры чрезвычайно грубы, надменны и считаютъ себя храбрѣйшимъ народомъ въ мірѣ. Дѣйствительно, сосѣдшіе непокорные чеченцы ихъ боятся, и часто они совершаютъ дѣла изумительной храбрости. Однажды, жители двухъ деревень, въ числѣ 50 человекъ, отбились отъ нападенія десяти-тысячнаго

полчища. Въ другой разъ, 60 человекъ хевсуровъ три дня защищались отъ 5,000 нападающихъ—и отбились. Вѣрить ли этому? Но хотя бы то были только преувеличенные слухи, они выражаютъ общее понятіе о хевсурахъ: Пшавцы также славятся храбростью.

Дома горныхъ хевсуръ и пшавцевъ построены изъ плитняка, безъ цемента, въ два и три этажа. У другихъ, живущихъ въ долинахъ, хижины выстроены изъ бревенъ. Тѣ и другія одинаково закопчены, загрязнены, наполнены чадомъ и насквозь пропитаны зловоніями всевозможнаго рода, отъ людей и домашняго скота, живущаго вмѣстѣ съ людьми, такъ что поражаютъ своею отвратительностью даже человекъ, привыкшаго видѣть образъ жизни другихъ закавказскихъ туземцевъ.

Пища ихъ столь же непривлекательна. Довольно сказать, что вонючее мясо предпочитаютъ они свѣжему; что, зарѣзавъ скотину, они собираютъ кровь, даютъ ей свернуться и прокиснуть, потомъ варятъ и кушаютъ.

Земледѣліе этихъ племенъ въ самомъ жалкомъ состояніи, отчасти потому, что во многихъ мѣстахъ только небольшіе клочки земли, между голыхъ утесовъ и ущелій, удобны для хлѣбопашества; отчасти потому, что эти дикари очень лѣнны. Мужчины только пахутъ. Всѣ остальные работы должны исполнять женщины. Сѣнокосы вообще очень хороши; скотоводство довольно велико, особенно у пшавцевъ, между которыми встрѣчаются зажиточные люди. Деньги они зарывають въ землю и ни въ какіе обороты не пускають.

Какъ бы ни былъ бѣденъ хевсуръ или пшавецъ, никогда онъ не проситъ милостыни. Гостепримство у нихъ въ полнѣйшемъ развитіи. Гостю не только подають все, что есть въ домѣ лучшаго,—хозяинъ стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ, подчуя его, играя ему на пандурѣ, распѣвая пѣсни для его развлечения. Гость, напившись и наѣвшись досыта, встаетъ, сажаетъ хозяина и самъ начинаетъ угощать его, прислуживать ему въ свою очередь.

У того и другаго племени существуетъ обычай братимства. Братающіеся скоблятъ въ вино серебряную монету, оба три раза отпивають по одному глотку и послѣ того готовы съ радостно умереть другъ за друга. Кромѣ побратимства, есть обычай мѣняться пулями съ человекѣмъ вражескаго племени,—и хевсуръ или пшавецъ скорѣе умретъ, нежели согласится выстрѣлить въ того, съ кѣмъ помѣнялся пулями.

Кровомщеше господствуетъ между ними во всей силѣ.

Судьи—выборные общиною люди, по большей части старики. При судопроизводствѣ всегда бывають посторонніе люди. Тяжущіеся излагають дѣло, становясь на колѣни. Рѣшеніе судей ненарушимо. Затруднительныя тяжбы рѣшаются тѣмъ, что одному изъ тяжущихся велятъ присягнуть въ истинѣ своего показанія. Наказанія состоятъ въ штрафахъ, величина которыхъ точно опредѣлена обычаемъ.

Христіанство начинаетъ проникать къ этимъ дикарямъ; правительствомъ нашимъ построено уже нѣсколько церквей въ ихъ странѣ. Основано даже въ одномъ изъ ихъ селъ училище для 50 мальчиковъ.

Это краткое извлеченіе изъ статьи кн. Эристова можетъ показать читателямъ, что она представляетъ довольно полный очеркъ быта и нравовъ хевсуро-пшавскаго племени.

Статья г. Росса о талышинцах имѣеть, какъ мы сказали, характеръ совершенной специальности. Грамматика и словарь ихъ нарѣчія, которое до сихъ поръ было совершенно неизвѣстно ученымъ, будутъ очень интересны для людей, изучающихъ діалекты персидскаго языка, и даже даютъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ для филологовъ, занимающихся сравнительною грамматикою индо-европейскихъ языковъ. Талышинцы, живущіе отчасти въ южной части Ленкоранскаго уѣзда, отчасти въ прилежащемъ краю Персіи, говорятъ діалектомъ персидскаго языка, сохранившимъ, сколько можно судить по представленнымъ нынѣ образцамъ, довольно много старыхъ формъ и словъ, уже исчезнувшихъ изъ собственно такъ называемаго персидскаго языка.

Изъ протоколовъ засѣданій Кавказскаго Отдѣла узнаемъ, между прочимъ, что Отдѣломъ приняты дѣятельныя мѣры къ составленію по одному общему плану краткихъ грамматическихъ очерковъ и сборниковъ словъ по всѣмъ доступнымъ для русскихъ изслѣдователей нарѣчіямъ Кавказскаго края (редакція этихъ трудовъ возложена на г. Берже) — дѣло, которое, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ имѣть большую цѣну для науки, если исполненіе его хотя отчасти будетъ удовлетворительно. Кавказскія нарѣчія имѣють очень большую важность не только для этнографіи того края, но и вообще для науки языковѣдѣнія.

Къ 1-му іюля 1855 года Кавказскій Отдѣлъ Географическаго Общества имѣлъ въ своемъ составѣ 143 дѣйствительныхъ членовъ и 11 членовъ-сотрудниковъ, а всего, съ почетными членами и находящимися на Кавказѣ членами Географическаго (Петербургскаго) Общества, 167 членовъ.

По отчету, отъ 1 января по первое іюля 1855 года, поступило въ распоряженіе Отдѣла 8,312 руб. 20 коп. сер., изъ того числа израсходовано 7,365 руб. 75 коп.; затѣмъ, къ 1 іюля 1855 г. въ кассѣ, съ остаточными отъ прежнихъ лѣтъ суммами, находилось 2,074 руб. 8 коп.

Въ Приложеніи напечатаны вѣдомости о движеніи заграничной торговли Кавказскаго края за 1852, 1853 и 1854 годы. Къ статьямъ ученаго отдѣла приложены подробныя карты Ленкоранскаго уѣзда, Тушино-Пшаво-Хевсурскаго округа и Сванетіи.

Поѣздка въ Вольную Сванетію полковника Бартоломея въ 1853 году. Тифлисъ. 1855.

Вольная Сванетія—небольшой участокъ земли, лежащій на склонѣ Эльбруса—страна, до послѣдняго времени совершенно бывшая неизвѣстною не только ученымъ, но и жителямъ окружающихъ областей. Первый изъ русскихъ былъ въ ней кутаисскій вице-губернаторъ г. Колубякинъ, въ 1847 году. Онъ склонилъ нѣкоторыя общины вольныхъ сванетовъ принять русское подданство, и послѣ того былъ назначенъ туда приставъ отъ русскаго правительства. Когда князь Микеладзе отправлялся на эту должность въ іюль 1853 г. Бартоломей, давно интересовавшійся невѣдомою странюю, получилъ разрѣшеніе ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, чтобы осмотрѣть Вольную Сванетію. Благодаря времени года, они счастливо переѣхали черезъ Латпарскій переваль, служащій границею Вольной Сванетіи, по безопасному лѣтнему пути. Но этотъ путь доступенъ бываетъ только въ продолженіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцовъ: въ осталь-

ное время года, трещины, его перерѣзывающія, наполняются хрупкимъ, сыпучимъ слягомъ, сравнивающимъ пропасть съ дорогою, и тогда проѣздъ становится невозможнымъ: на каждомъ шагу путникъ можетъ погибнуть въ пропасти. Когда устанавливается зима, открывается возможность переходить черезъ хребетъ по другому пути; но этотъ зимній путь ведетъ черезъ самый гребень горы, гдѣ почти постоянно свирѣпствуетъ вѣтеръ, столь порывистый, что опрокидываетъ самыхъ сплывныхъ людей и бросаетъ ихъ назадъ по крутому спуску обнаженной скалы. Этотъ путь такъ страшенъ, что только самые отважные туземцы, да и то изрѣдка, рѣшаются проходить здѣсь. Такимъ образомъ, втеченіе десяти мѣсяцевъ года, Вольная Сванетія отрѣзана отъ остальнаго міра. Этого уже достаточно, чтобы понять, какъ мало сообщенія имѣетъ она съ прилежащими землями.

Г. Бартоломей, при обзорѣ Вольной Сванетіи, имѣлъ въ виду преимущественно археологическія розысканія: повсюду онъ осматривалъ старинныя зданія, бывшія нѣкогда православными церквами, снималъ рисунки съ каждой замѣчательной утвари, сохранившейся отъ временъ христіанства, и проч.; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ подробно описываетъ мѣстности, имъ видѣнныя, снимаетъ профили горныхъ очертаній, обращаетъ большое вниманіе и на нравы туземцевъ, еще столь мало извѣстные.

Вольные сванеты, подобно хевсурамъ и шавцамъ—одичалые переселенцы изъ Грузіи; они также были нѣкогда христіанами и сохранили о прежней вѣрѣ гораздо болѣе точныя воспоминанія, нежели хевсуры. У сванетовъ еще не только уцѣлѣли зданія церквей, но образа, церковная утварь и богослужбеныя книги, какъ сокровища, хранятся въ этихъ обветшавшихъ, но чрезвычайно уважаемыхъ здашяхъ. Но у нихъ ужъ давно нѣтъ духовенства. Конечно, первую причину этого подобно считать трудность сообщенія, а вторую—постепенно возрастающую грубость нравовъ. Безъ назиданій духовенства, безъ совѣтовъ людей грамотныхъ, они забыли и догматы и обряды церкви, даже впали въ безчеловѣчныя заблужденія: напримѣръ, они убивали всѣхъ новорожденныхъ своихъ дочерей; жены у нихъ всѣ украдены, куплены или взяты въ плѣнъ у соѣдныхъ племенъ. Теперь русскіе растолковали несчастнымъ дикарямъ, что обычай убивать дочерей богопротивенъ, и сванеты оставили его. Вообще, эти дикари, столь грубые, должны имѣть отъ природы расположеніе къ чему-то лучшему, какъ скоро представляется имъ возможность къ тому: нѣкоторые изъ нихъ сами приходили въ сосѣдніе города креститься; двѣ общины, самыя значительныя въ Вольной Сванетіи, изъ боязни не допускаявшія къ себѣ русскихъ, согласились принять г. Бартоломея, когда имъ было объяснено, что онъ не имѣетъ противъ нихъ злаго умысла, встрѣтили его очень радушно, сблизились съ нимъ, очень разсудительно выслушали его совѣтъ принять, по примѣру другихъ общинъ, русское подданство—и, такимъ образомъ, мирный ученый пріобрѣлъ своему отечеству 2,500 новыхъ подданныхъ.

Къ описанію путешествія г. Бартоломея приложено много рисунковъ: видовъ церквей и сель, снимковъ съ замѣчательныхъ вещей и надписей, найденныхъ имъ въ церквахъ, и т. д.; кромѣ того, нѣсколько чертежей горныхъ хребтовъ и наконецъ подробная карта Сванетіи. Ученый путешественникъ сообщаетъ также сборникъ словъ, примѣры склоненій и спряженій и молитву

«Отче нашъ» на сванетскомъ нарѣчїи, которое до сихъ поръ было почти совершенно неизвѣстно.

Нѣтъ надобности объяснять, что подробное описаніе ученаго обозрѣнія столь малознакомой страны, какъ Сванетїя, должно имѣть большой интересъ для науки.

Нѣкоторыя замѣчанїя, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели наполеоновыхъ полчищъ *въ 1812 году*. И. П. Липранди. *Спб. 1855.*

Мы выписали не то заглавіе, которое выставлено на оберткѣ брошюры и повторяется на второмъ изъ заглавныхъ листовъ ея, а только то, которое помѣщено на первомъ заглавномъ листѣ и не выставлено на оберткѣ; дѣйствительное же заглавіе, напечатанное на оберткѣ и второмъ листѣ, такъ многосложно, что займетъ еще вдвоо больше строкъ. Вотъ оно:

«I. Не голодъ и не морозъ были причиною гибели наполеоновыхъ полчищъ. II. Русскіе или французы зажгли Москву? III. Замѣчаніе на нѣкоторыя выраженїя, встрѣчающіяся въ «Описанїи Отечественной Войны 1812 года». съ присовокупленїемъ списка сочиненїй, вошедшихъ въ составъ излагаемаго предмета».

Изъ этого читатель можетъ заключить, что г. Липранди не хочетъ слѣдовать обыкновеннымъ техническимъ приѣмамъ, употребляющимся въ книжномъ дѣлѣ: оглавленіе своей книги онъ печатаетъ на оберткѣ, заглавіе прячетъ подъ обертку. И, дѣйствительно, слогъ его «замѣчавїй», которыя должны собственно быть обширнымъ критическимъ разборомъ нѣкоторыхъ сторонъ исторїи 1812 года Михайловскаго-Данилевскаго, соотвѣтствуетъ этому ожиданїю; они носятъ болѣе слѣдовъ заботы о содержанїи, нежели о литературной формѣ. Но какое намъ дѣло до слога ученаго сочиненїя, если содержаніе по большей части дѣльно? а таково оно въ книгѣ Липранди г.

Большая половина ея занята первою статьею, посвященною доказательству той справедливой мысли, что холодъ и недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ были только второстепенными причинами погибели великой арміи наполеоновой; главнѣйшими же причинами нашего торжества въ 1812 году должны быть признаваемы твердая рѣшимость Императора Александра Благословеннаго, патриотизмъ народа, мужество нашихъ армїй и искусство полководцевъ. Никто изъ русскихъ не сомнѣвается въ томъ; и если Михайловскїй-Данилевскїй, въ своемъ «Описанїи Отечественной Войны 1812 года», иногда, по неосмотрительности, выражается объ этомъ предметѣ безъ достаточной точности, то сколько мы знаемъ, никто изъ читателей его исторїи не былъ введенъ въ заблужденіе этими неточными выраженїями. Потому не дѣлаемъ извлеченїй изъ первой статьи г. Липранди, тѣмъ болѣе, что убѣдительность ей придается многочисленными, удачно выбранными и сличенными свидѣтельствами изъ всѣхъ важнѣйшихъ иностранныхъ историковъ 1812 года, и, при обширности статьи, обзоръ ея на двухъ-трехъ страницахъ былъ бы сухъ и недостаточенъ.

Гораздо запутаннѣйшїиъ и темнѣйшїиъ представляется для русской публики вопросъ о томъ, русскіе или французы зажгли Москву. На русскомъ языкѣ не являлось еще изслѣдованїя о немъ столь полнаго, проинициальнаго

и безпристрастнаго, какъ изслѣдованіе г. Липранди, и мы, вездѣ строго придерживаясь выраженій г. Липранди, представляемъ полное изложеніе этой его статьи, болѣе интересной для нашихъ читателей, безъ сомнѣнія, не нуждающихся въ доказательствахъ того, что русскій Царь, русскій народъ и русскія войска, а не исключительно только морозъ и голодъ побѣдили французовъ въ 1812 году, но, быть можетъ, не имѣвшихъ случая познакомиться съ данными, служащими къ рѣшенію вопроса о причинахъ московскаго пожара. Г. Липранди справедливо находить, что въ этомъ случаѣ изложеніе Михайловскаго-Данилевскаго очень неудовлетворительно, выводы его шатки и неосновательны. Этотъ историкъ «поперемѣнно приписываетъ сожженіе Москвы то французамъ, то патриотизму москвичей, стараясь при всякомъ случаѣ внушить то главное, что тутъ не было никакого участія со стороны нашего правительства, и какъ бы оправдаться передъ иностранцами, приписавшими встребленіе Москвы распоряженіямъ графа Ростопчина. Доводы автора въ этомъ случаѣ не только слабы, но и противорѣчатъ одни другимъ».

«Съечь столичный городъ Имперіи (говоритъ Михайловскій-Данилевскій) надлежало имѣть главнокомандующему Москвы Высочайшее повелѣніе. Таковаго повелѣнія дано не было». Но,—замѣчаетъ г. Липранди— не было дано Высочайшаго повелѣнія и отдать Москву французамъ, а ее отдали. Подобныхъ повелѣній не даютъ. Графъ Ростопчинъ пользовался полнымъ довѣріемъ Императора; иначе онъ не дерзнулъ бы написать Государю въ одномъ донесеніи: «Я въ отчаяніи, что Кутузовъ скрывалъ отъ меня свое намѣреніе (отдать Москву безъ боя), потому что я, не бывъ въ состояніи удерживать городъ, зажегъ бы его»; а въ другомъ: «До 30 августа князь Кутузовъ писалъ мнѣ, что онъ будетъ сражаться. 1-го октября, когда я съ нимъ видѣлся, онъ то же самое мнѣ говорилъ, повторяя: и на улицахъ буду драться. Я оставилъ его въ часъ по полудни. Въ восемь часовъ онъ прислалъ мнѣ письмо, требуя полицейскихъ офицеровъ для препровожденія арміи изъ города, оставляемаго имъ, какъ онъ говорилъ, съ крайнимъ прискорбіемъ. Если бы онъ сказалъ мнѣ это за два дня прежде, то я зажегъ бы городъ, отправилъ изъ него жителей».—Ростопчинъ не рѣшился бы говорить въ донесеніяхъ Государю: я зажегъ бы (продолжаетъ г. Липранди), если бы не былъ удостовѣренъ, что изъявляемая имъ патристическая рѣшимость не будетъ непріятною и неожиданною для Государя. И Высочайшій манифестъ, изданный по случаю занятія французами Москвы, заключаетъ многія выраженія, дающія понимать, что сожженіе Москвы вовсе не казалось чѣмъ то особеннымъ или чрезвычайнымъ. При исчисленіи бѣдствій, постигшихъ Россію отъ нашествія французовъ и занятія ими Москвы, ихъ грабежей и буйствъ, въ манифестѣ ни слова не упоминается о томъ, что они сожгли Москву, чего, конечно, не было бы упущено, если бы это было такъ дѣйствительно, а напротивъ, дѣлаются намеки, что событіе это было предусмотрено и подготовлено. Вотъ подлинныя слова манифеста: «Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ Отечества своего, непріятель не найдетъ въ столицѣ не только способовъ господствовать, ни же способовъ существовать». Эти доказательства очень убѣдительны. И слова Ростопчина и выраженія Манифеста доказываютъ рѣшимость правительства. Ясно, что Ростопчинъ жалѣетъ только о томъ, что скрытность Кутузова отняла у

него время для систематических, всеобъемлющих приготовлений къ зажженію города вдругъ на всемъ пространствѣ и въ тотъ же мигъ, какъ войска наши его покинули. Кутузовъ зналъ объ этомъ намѣреніи, потому что, по словамъ самого Михайловскаго-Данилевскаго, одною изъ причинъ, удержавшихъ его отъ битвы на Поклонной горѣ, передъ Москвою, было опасеніе, что, «въ случаѣ неудачи, зажженная въ тылу нашемъ Москва будетъ гибельна для отступающихъ войскъ»; итакъ, онъ зналъ, что, въ случаѣ, если Москву надобно будетъ уступить непріятелю, она будетъ зажжена. Итакъ, твердое намѣреніе сжечь Москву существовало, и Ростопчинъ оправдывается передъ Государемъ только въ томъ, что ему оставлено было слишкомъ мало времени для приготовлений къ этому. Какія же распоряженія успѣлъ онъ сдѣлать? Самъ Михайловскій-Данилевскій говоритъ: «Извѣстия, въ восемь часовъ вечера, отъ князя Кутузова о намѣреніи отступить отъ Москвы безъ сраженія, графъ Ростопчинъ велѣлъ разбивать бочки съ виномъ, что дѣлаемо было во всю ночь и въ слѣдующее утро. Снимались караулы, уходили вонскія, городскія команды и полиція, и надъ Москвою носилось зарево бивачныхъ огней». Спрашивая (говоритъ г. Липранди), что должно заключать изъ этого разсказа? Снимаются караулы, уходитъ полиція (еще до выступленія арміи), и Ростопчинъ приказываетъ разбивать бочки съ виномъ. Для чего это послѣднее? Конечно, для того, чтобы разгорячить простой народъ и подготовить къ тому наставленію и примѣру, который подалъ Ростопчинъ, «приказавъ (по словамъ самого Михайловскаго-Данилевскаго), 2 сентября, въ пять часовъ утра, одному слѣдственному приставу отправиться на винный и мытный дворы, въ комиссаріатъ в на успѣвшія къ выходу казенныя и партикулярныя барки и, въ случаѣ вступленія непріятеля, истреблять все огнемъ». Что разбитіе бочекъ произвело ожидаемое дѣйствіе на чернь, г. Липранди самъ видѣлъ и слышалъ, проѣзжая, въ колоннѣ Дохтурова, мимо нѣсколькихъ кабаковъ. «Таковы были причины первыхъ пожаровъ», заключаетъ самъ Михайловскій-Данилевскій. Какое же послѣ этого остается сомнѣніе въ томъ, кто былъ первоначальнымъ виновникомъ сожженія Москвы? Но черезъ нѣсколько страницъ, забывая о собственныхъ словахъ, Михайловскій-Данилевскій ставитъ сожженіе Москвы въ вину французамъ и самому Наполеону, говоря: «Стараясь отклонить отъ себя нареканіе въ пожарѣ, Наполеонъ учредилъ комиссію для сужденія двадцатишести русскихъ, коихъ французы называли зажигателями». Учрежденіе комиссіи для прекращенія поджоговъ г. Липранди находитъ очень естественнымъ. «потому что французы пришли искать въ Москвѣ пріюта и продовольствія, а не дыму и пепла», о дѣйствіяхъ же ея, признаваемыхъ Михайловскимъ-Данилевскимъ несправедливыми, говоритъ: «Въ опредѣленіи этой комиссіи (о наказаніи найденныхъ поджигателей), основанномъ на законахъ, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, исчислены улики, представленоличное, заключавшееся во множествѣ найденныхъ горючихъ предметовъ, наконецъ собственное сознаше пойманныхъ на поджогахъ и показаніе, что имъ велѣно зажигать. Авторъ неизвѣстно на чемъ основываетъ увѣреніе свое, что это сознаше подсудимыхъ выдуманно французами. Изъ двадцати-шести человекъ подсудимыхъ было десять шляпейскихъ солдатъ. Эта послѣдняя цифра едва ли не должна имѣть особенное значеніе при изслѣдованіи о причинахъ сожженія Москвы».

Бутурлинъ, издавшій свою «Исторію 1812 г.» при Императорѣ Александрѣ I (переводъ этой книги былъ даже посвященъ Императору Николаю Павловичу), прямо говорить, что Москва была сожжена по распоряженію правительства: «Во многихъ домахъ приготовлены были стараемыя вещества, и по городу была разсыяна толпа наемныхъ поджигателей, подъ управленіемъ нѣсколькихъ офицеровъ бывшей полиціи московской, оставшихся тамъ переодѣтыми. Толь великое, толь неслыханное пожертвованіе, каково было сожженіе столицы, довольно показывало твердость россійскаго правительства. А какъ Москва загорѣлась уже по входѣ въ нее французовъ, то и нетрудно было увѣрить народъ, что непріятель зажегъ ее». Бутурлинъ былъ очевидецъ.

Если же Ростопчинъ, въ изданной имъ французской брошюрѣ, отказывался отъ участія въ московскомъ пожарѣ, то «онъ могъ говорить это по требованію обстоятельствъ».

«Ростопчинъ, совершивъ свой подвигъ (говорить г. Липранди), какъ человекъ умный и истинный патріотъ, могъ по окончаніи войны, по многимъ отношеніямъ, а быть можетъ и весьма уважительнымъ причинамъ, стараться скрыть свое участіе въ заженіи Москвы. Жители ея, возвратясь на пепелища домовъ своихъ, въ первое время по миноваши опасности могли питать негодованіе къ виновнику ихъ разоренія и бѣдствій, хотя бѣдствія эти потому съ избыткомъ вознаградились щедротами Государя и побѣдоносными успѣхами нашего оружія. Эту послѣднюю причину отречательства Ростопчина отъ своего подвига подтверждаютъ его письма, напечатанныя въ собраніи его сочиненій».

Почему же Михайловскій-Данилевскій старался доказать, что правительство не имѣло участія въ сожженіи Москвы?—трудно найти удовлетворительную причину этому, говорить г. Липранди:

«Не думалъ ли онъ въ томъ возвысить еще болѣе народный русскій патріотизмъ? Но тутъ-то онъ и ошибся. Мысль зажечь свой домъ при оставленіи его могутъ внушить страсти, вовсе чуждыя патріотизму; но сечь его, повинувшись общему распоряженію властей, есть подвигъ истиннаго патріотизма. Послушное, самоотверженное исполненіе распоряженій народомъ несравненно выше дѣяствій, къ которымъ народъ увлекается самъ собою».

Третья статья г. Липранди заключаетъ замѣчанія относительно того, что Михайловскій-Данилевскій напрасно употребляетъ въ столь серьезномъ трудѣ, какъ «Исторія 1812 года», неумѣренныя выраженія, говоря, напримѣръ, о Наполеонѣ, что онъ «обремененъ проклятіемъ вѣковъ», «присутствіемъ своимъ осквернилъ Москву, запятналъ имя свое посрамленіемъ», говоря: «мошеничество Наполеона» и пр., называя его наршаловъ его клеветами, корсианскими выходцами и пр., называя его войска свирѣпствующими злодѣями, извергами, осатанѣлыми и т. д. По справедливому мнѣнію г. Липранди, надобно быть умѣреннымъ даже, говоря и о врагѣ.

Образцы и формы дѣловыхъ актовъ и бумагъ, или практическое наставленіе къ составленію и написанію безъ помощи стряпчего векселей, и т. д. Дѣль части. Москва. 1855.

Не отваживаемся выписывать вполнѣ заглавіе книги, которое заняло бы чуть не цѣлую страницу. Читатели, которымъ есть надобность до подобныхъ

«наставленій», безъ еомвѣнія, встрѣтятся не разъ съ этимъ монгоглаголивимъ заглавіемъ въ книгопродавческихъ объявленіяхъ. Увѣдомимъ ихъ только о томъ чего, безъ сомнѣнія, не будетъ досказано въ объявленіяхъ: двѣ части составляютъ одну разгонисто напечатанную книгу, которая кажется довольно пухлою только благодаря толстотѣ бумаги, и вмѣсто цѣны, означенной на оберткѣ—2 р. сер., могла бы, безъ убытка для издателя, продаваться и по 50 коп. сер.

Карманная почтовая книжна, или сборникъ почтовыхъ постановленій, до всеобщаго свѣдѣнія относящихся. Изданіе Почтоваго Департамента. Спб. 1855.

Новое изданіе «Карманной почтовой книжки», напечатанной въ 1849 году. исправленное и дополненное сообразно измѣненіямъ, происшедшимъ съ того времени въ почтовыхъ постановленіяхъ. Здѣсь помѣщены правила о пріемѣ в выдачѣ корреспонденціи простой, денежной, страховой и посылочной, объ эстафетахъ, о городской почтѣ, объ иностранной корреспонденціи, а въ приложеніяхъ—таксы вѣсоваго и страховаго сбора, росписаніе городовъ, между которыми ходитъ почтовые экипажи, съ мѣстами для пассажировъ, и правила, куда относящіяся, также правила для проѣзжающихъ на почтовыхъ лошадяхъ, различные списки почтовыхъ коворъ и почтовыхъ отдѣленій, и проч.

Къ книжкѣ приложены двѣ почтовые карты: 1) Европейской и 2) Азиатской Россіи.

Послѣдніе слѣды сера Джона Франклина, съ картою новѣйшихъ открытій на сѣверѣ. Спб. 1855.

О судьбѣ Франклина и объ открытіяхъ, сдѣланныхъ экспедиціями, отправленными на помощь ему, такъ много было писано въ нашихъ журналахъ. что мы должны ограничиться указаніемъ на заглавіе этой брошюры, составленной, какъ видно челоуѣкомъ, звающимъ дѣло.

Элементарный способъ рѣшенія вопросовъ относительно сопротивленія матеріаловъ и устойчивости сооруженій, съ практическими примѣрами, чертежами и таблицами. Инженеръ-подполковника Безпалова. Спб. 1855.

Книжка г. Безпалова предназначена быть пособіемъ не для архитекторовъ или подрядчиковъ, не привыкшихъ къ употребленію довольно сложныхъ аналитическихъ формулъ, а для инженеровъ, которые хорошо знакомы съ математикою. Въ предисловіи, авторъ объясняетъ пользу своей памятной книжкѣ такъ:

«Сущность предлагаемаго мною способа состоитъ въ томъ, что силы <можно выразить пропорціональными имъ объемами геометрическихъ тѣлъ, а <тогда, въ смыслѣ статическомъ, моменты силъ замѣняются моментами объемовъ. <а въ смыслѣ динамическомъ,—произведеніями изъ объемовъ на пути, проходяемые центрами тяжести послѣднихъ».

При употребленіи этого способа, большая часть вопросовъ, встрѣчаю-

щихся въ строительной практикѣ, рѣшаются посредствомъ элементарныхъ математическихъ дѣйствій, безъ помощи высшаго анализа; и, дѣйствительно, г. Безпаловъ употребляетъ такіе формулы, для пониманія которыхъ нужно только знаніе элементарной геометріи и тригонометріи.

Похожденія Чичикова или Мертвыя Души, поэма Н. Гоголя.
Томъ первый. Изданіе третье. Москва. 1855.

Новое изданіе перваго тома «Мертвыхъ Душъ» ни въ чемъ не разнится съ изданіями, сдѣланными при жизни Гоголя.